

Владислав Артёмов

Император Бубеницов
или

ХРОМОЙ ЗМЕЙ

Владислав Владимирович Артёмов

Император Бубенцов, или Хромой змей

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64130521

Император Бубенцов, или Хромой змей: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8568-8

Аннотация

Роман «Император Бубенцов, или ХРОМОЙ ЗМЕЙ» – это книга о страстях человеческих и о дьявольских искушениях в нашей современной жизни. О том, как самый ничтожный человек способен в одиночку противостоять всей мощи мирового зла и даже отсрочить неизбежный конец истории. Более того, именно от его личного выбора зависит судьба мира. Несмотря на серьёзность и глубину поднимаемых вопросов и высказываемых идей, роман – увлекательное, захватывающее чтение.

В 2019 году роман «Император Бубенцов, или ХРОМОЙ ЗМЕЙ» стал финалистом Всероссийской литературной премии «Ясная Поляна».

Содержание

Часть первая. Голоса логоса	5
Глава 1. Пригласительный билет	5
Глава 2. Подлинное происшествие в «Кабачке на Таганке»	16
Глава 3. Тот, кого нет	28
Глава 4. Шапка на вырост	47
Глава 5. Лихо одноглазое	55
Глава 6. Есть ли жизнь за гробом	62
Глава 7. Всё под контролем	69
Глава 8. Абсолютное алиби	78
Глава 9. Бубновый король	88
Глава 10. Иллюзорный мир	106
Глава 11. Долг неугасимый	120
Глава 12. Заинька, выйди в круг	130
Глава 13. Краковяк и бравобес	143
Глава 14. Общий анализ крови	156
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Владислав Артёмов Император Бубенцов, или Хромой змей

© Артёмов В.В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая. Голоса логоса

*...Народ может и должен соделаться орудием
гения из гениев, который наконец осуществит
мысль о всемирной монархии...*

Свт. Игнатий Брянчанинов

Глава 1. Пригласительный билет

1

Долг Бубенцовых к Новому году перевалил за полмиллиона. Так подло и хитро было устроено, что проценты рождались сами из себя, множились, прибавлялись к долгу, и на этот непрерывно распухающий от процентов долг набегали новые сложные проценты, от которых долг распухал ещё безнадежнее. Вырваться из круга не было никакой возможности.

Голоса, которые теперь донимали супругов, несомненно, знали про это. Но обсуждать доводы и резоны, вникать в обстоятельства не желали. Наглые и беспощадные, с каждым звонком голоса становились злее, настырнее. В последнее время стали являться уже и по ночам, пакостить в подъезде.

Писали ругательства на стенах, оставляли у двери похоронные венки.

Приоткрылось пространство иного мира, населённого существами невидимыми и немилосердными. В жизнь семьи ворвалась иная реальность. Неожиданно выяснилось, что тёмная вселенная существует не где-то там, в безопасном далеке, а совсем рядом, за дверью, по соседству.

Нельзя было отказать паскудникам в своеобразном мрачном остроумии. Однажды утром у дверей появилась кукла, у которой из проколотого глаза торчал гвоздь.

— Чтоб ты сдох, паскуда! — только и сказал Бубенцов, вертя в руках искалеченную куклу.

Детей пришлось отправить к тётке в Калугу.

Ерофей Бубенцов, а попросту Ерошка, весёлый и неунывающий гуляка, не находил себе места. Подвижный, взъерошенный, сновал по квартире, начинал что-то напевать, замолкал, прислушивался. Хватал себя за волосы всеми десятью пальцами, пытаясь пригладить вихры.

Спокойная, рассудительная Вера в эти дни тоже замолчала, притихла, поглядывала на мужа с тревогой. Обладая светлым, ровным характером, она обыкновенно вносила мир в мятежную душу Ерофея. Теперь всё чаще нахмуривалась, закусывала губы, темнела лицом. Ерошка ловил озабоченные взгляды жены, приосанивался, силился выглядеть спокойным. Но долго не выдерживал, снова вскакивал, бродил по квартире, ломая руки, нервно трещал пальцами. Вздра-

гивал на всякий стук, на лай собак во дворе, прислушивался к шуму подъезжающих к подъезду машин. Лишний раз старался из квартиры не выходить. Направляясь в булочную, обязательно глядел вверх. И отступал от стены, держался ближе к середине тротуара. Опасения, конечно, совершенно излишние. Никому не выгодна смерть должника, пока долг не отдан. По мере возрастания долга в прямой пропорции возрастала и ценность его жизни.

Неудивительно, что у Ерошки в эти дни чрезвычайно обострился мечтательный дар. Все его помыслы вились вокруг денег. То есть вокруг того, чего у него никогда и не было. Вокруг пустоты. Но это была пустота, обладающая чудовищной силой гравитации. Сгусток пустоты. Вроде чёрной дыры, которая втягивает в свою орбиту всё, что пролетает мимо, искривляя даже и луч света. Точно так же мысли Бубенцова, куда бы они ни направлялись, в конце концов попадали в чёрную дыру. Бубенцов провожал взглядом инкассаторский броневик. Косился на коробки из-под телевизоров, сложенные у магазина. Прикидывал, сколько уместилось бы там денег. Даже полосатая сума ковыляющего бомжа казалась ему набитой банкнотами.

Избавление пришло, откуда не ждали. Недаром говорят, что добрых людей больше, чем злых. Нашлись добрые люди! Проведали про беду, приняли близко к сердцу. Рассмотрев ситуацию с разных сторон, предложили простой, разумный выход. Ерошка ещё и сам не вполне верил в своё счастье. Все

проблемы семьи, кажется, уничтожались одним росчерком пера. Всё оказалось ясным, как таблица умножения. Нужно было только подписать кое-какие документы. Но рассказывать Вере обо всех тонкостях и выгодах предстоящей сделки пока не решался. Боялся сглазить.

Тем более что накануне появился в их жизни Приглашенный билет.

2

Пригласительный билет был доставлен рано утром специальным курьером. Никто не запомнил ни лица этого курьера, ни его национальности, ни даже возраста. Вера уверяла, что курьером была рыжая баба с косою, в зелёном сарафане. Бубенцов с женою не спорил, хотя твёрдо помнил бакенбарды и оранжевую безрукавку, а значит, это был дворник Абдуллох. Ничего удивительного. Это объяснимо даже и с точки зрения естественных законов оптики. Если поглядеть на оранжевый цвет, а затем закрыть глаза, то оранжевый цвет за закрытыми веками превращается в зелёный.

Кроме того, все знают, что между мужем и женой часто возникают разногласия. Одни и те же вещи они видят по-своему, иногда с противоположных сторон. Это не значит, что кто-то из двоих обманывается. Обманываются, разумеется, оба. Однако именно такой двойственный взгляд на события, несмотря на противоречия, придаёт прошедшему

объём и живую достоверность.

Пригласительный билет прекрасно сохранился. Каким-то необъяснимым чудом уцелел после череды страшных событий. Вероятно, это произошло в соответствии с законом сохранения всякого ненужного сора. Любой из людей, выдвинув ящик стола или сунув руку в старую шкатулку, или даже просто обернувшись, много подобного хлама увидит вокруг себя. Как будто некий бережливый демон сохраняет неведомо для каких целей все эти бумажки, пуговицы, сломанные часы, фантики, значки, открытки, квитанции, черновики стихотворений и прочий никчёмный прах.

Билет тёмно-серый, с золотым тиснением. Бархатистый на ощупь, как будто обросший нежным мхом. Золотое тиснение немного потускнело, осыпалось, подобно тому как стираются и зарастают буквы на старом надгробии. Но можно хоть сейчас прочесть затейливую вязь:

«Уважаемый Ерофей Тимофеевич Бубенцов!

Глава администрации Ордынского района Ордынцев Семён Семёнович имеет честь пригласить Вас на Новогодний вечер по случаю инаугурации и награждения “Медалью ордена за заслуги перед Отечеством второй степени (без мечей)”. Смотрины состоятся в Колонном зале Дома союзов. Начало в 20 часов. В конце вечера торжественный банкет».

Имеет честь! Сам собою напрашивался вывод о том, что предстоящее мероприятие задумывалось как дело серьёзное,

ответственное. Следовало отнестись к нему с такой же точно ответной серьёзностью. И всё же, всё же... Ерошку Бубенцова сразу насторожило то, что... Нет-нет, вовсе не слово «смотрины», хотя... Да уж, к чему скрывать – насторожил сам невероятный факт этого приглашения.

На такие мероприятия, а уж тем более на торжественные банкеты в Доме союзов, приглашаются солидные, хорошо одетые господа или же люди из близкого круга. Ни к какому кругу Бубенцов не принадлежал. Едва помнил Ордынцева по школе, причём в воспоминании ничего отрадного не было. Вот он пинает под зад жирного Сёму, и тот скатывается по широкой парадной лестнице. А уже в самом низу ступенек Поросюк и Бермудес, хохоча, подхватывают Ордынцева и тоже, каждый со своей стороны, отвешивают ему по пендалю. Все последующие годы таился юбиляр под спудом, не подавал никаких знаков. Правда, лет десять назад появился Ордынцев на встрече выпускников, но там рассадили их в разные углы.

Конечно же, Бубенцов не мог быть официально приглашён ни по каким причинам. Это было абсурдно. Ордынцев прекрасно знал характер Бубенцова. Характер живой, опасный, беспокойный. Где бы ни появился Ерошка Бубенцов, в том месте начинала сама собою образовываться и витать скандальная тревога. Все невольно настораживались, прислушивались, озирались, чего-то ожидая.

Бубенцова, даже если бы и впустили по недогляду на офи-

циальный банкет, следовало незамедлительно, ещё до начала торжеств, вежливо, но решительно вывести из зала. Если в обычное время с ним ещё можно было кое-как сладить, то после нескольких выпитых рюмок Ерошка преображался. Его, по народному выражению, «чёрт нёс по кочкам». Таких людей сколько угодно вокруг нас. Они есть в любом коллективе. Именно они затевают безобразные скандалы, режут правду-матку прямо в глаза начальству на корпоративных вечеринках. И всё это якобы «во имя правды и справедливости»! Бьют дорогую посуду, прут на рожон, затевают драки на свадьбах. Приличные люди стараются держаться от них поодаль. Потому что с ними обязательно влипнешь в историю. Каждый, кому довелось быть свидетелем их безобразных скандалов, делает логичный, приятный для себя вывод: «Как хорошо, что я не таков, как этот негодяй!...»

Одним словом, не могли! Никак не могли разумные организаторы пригласить на торжественный банкет столь непутёвого человека! Горячего, импульсивного, неуравновешенного. И всё-таки вот же он – Пригласительный билет.

Вера бегло ознакомилась с текстом, пожала плечами и, ничего не сказав, ушла досыпать. Её трудно было чем-то удивить, работала она медсестрой в психиатрическом отделении Лефортовской больницы. Повседневный опыт научил её здраво относиться ко всякому неожиданному обстоятельству. Ерошка же долго ещё стоял в прихожей, вертя в руках проклятый билет. Всё-таки следовало удостовериться. Нуж-

но было звонить другу, Игорю Борисовичу Бермудесу, человеку бывалому, опытному. Артисту того же театра, где служил пожарным и Бубенцов.

Надо заметить, что хотя все окружающие считали Бермудеса «бывалым и опытным», советы тот чаще всего давал самые бестолковые, а порой даже глупые и вредные. Но обаяние, импозантность, уверенность тона, басовитый голос заставляли прислушиваться к его мнениям.

Бермудес раннему звонку ничуть не удивился. Тотчас вспомнил, что – да, ведь и ему же кто-то утром доставил пакет. Назвав себя головой садовой, прибавив ещё пару-тройку добродушных ругательств, Игорь Борисович попросил немного погодить. Бубенцов терпеливо ожидал, не отнимая трубку от уха. Вслушивался в невидимый ему далёкий мир. Вот затихли удаляющиеся шаги Бермудеса, а затем кто-то явственно задышал в самое ухо. Даже вроде подхихикнул, сдерживаясь. Скоро, однако, Бермудес объявился снова и после короткой посторонней возни, сопения, отрывистых вздохов подтвердил, что у него на подзеркальнике лежит точно такой же Пригласительный билет.

– Имя твоё как набрано? – спросил Бубенцов. – Шрифт типографский?

Бермудес опять положил трубку, отправился на поиски очков. И снова почудилось Бубенцову чьё-то издевательское дыхание. Снова как будто слышались смешок, сопение, возня. А потом Бермудес вернулся и подтвердил, что да, и

у него имя-отчество и фамилия написаны не секретаршей, а набраны типографским способом. Денег, стало быть, на мероприятие не пожалели.

– Орден получил, гадёныш, – не удержался Бубенцов. – Что бы это значило – «без мечей»?

– Это значит, милочка, по случаю дали. Не за заслуги, а по общему списку. Кто ж там вчитывался, наверху-то? Подмахнули кипой. Да ты не вникай. Нам главное – банкет, а не торжественная часть.

Бермудес был большой обжора и пьяница. В трубку между тем залетали отрывистые посторонние голоса, в том числе и женские. Бубенцов наконец догадался, что там пьют.

– Второй степени, заметь, – вставил он. – Не первой.

– Хех! Кто ж ему первую-то даст? Марго, отвяжись!.. Это не тебе, Бубен. Извини.

– Значит, и у тебя типографский набор? Ты послуни, по-три.

– Ну, потёр... Несомненно, мамочка. Литеры типографские.

– Поросюк с Ордой за одной партой сидел, – вспомнил Бубенцов. – По логике и его должны пригласить. Спроси у него...

– Уже раздели и уложили на диван.

– Странно всё это. Зачем мы ему вдруг понадобились? Последний раз виделись на встрече выпускников. Я тогда ещё червонец у него взял. Лет уж десять прошло.

– Массовка, – тотчас объяснил Бермудес. – А с другой стороны, для контраста: вот, мол, друзья детства, а вот я. Сравните, мол.

– Понятно. Для контраста. Я тоже сразу так подумал, – соврал Бубенцов. – Недаром и словечко-то вставил «смотряны». Смотрите, дескать...

– Ты ему ещё морду рвался набить, – напомнил Бермудес. – После того как червонец занял. Нагрудный карман на пиджаке оторвал. Если б не я...

Это ненужное напоминание было неприятно.

Ерошка прошёл в спальню, поместил Пригласительный билет в стеклянную салатницу рядом с телевизором. Туда складывалось всё важное: документы, квитанции о штрафах, неоплаченные счета, обручальное колечко Веры, золотые запонки самого Ерошки Бубенцова, доставшиеся ему от покойного отчима, приготовленные к залогу в ломбард, ну и деньги. Если они, конечно, откуда-нибудь появлялись, эти деньги.

3

Вечером Ерошка, собираясь на ту самую деловую встречу, полез в салатницу за паспортом. В очередной раз попался ему под руку Пригласительный билет. Потёр золотые буквы.

– Я поняла!

Бубенцов вздрогнул, хотя слова произнесены были самым

обычным тоном.

– Ну? – спросил Ерошка, оглядываясь.

– Они не звонят! – сказала Вера и опустилась на стул. – Как только принесли Пригласительный билет, чёртовы кол-лекторы замолчали.

Это было правдой. Смутное предчувствие снова шевельнулось в сердце.

– Пусть тебя это не пугает. – Бубенцов склонился, приобнял жену за плечи. – Сегодня всё решится. Деньги будут, Вера!

Нельзя было не верить ему при таком открытом, честном лице и ясных глазах. Но Вера слишком хорошо знала своего мужа. Бубенцов обошёл стул, уткнулся носом в её макушку, в густые русые волосы. Глубоко-глубоко вдохнул. Давным-давно, когда они в первый раз поцеловались, была гроза. С тех пор ему казалось, что волосы Веры пахнут дождём.

– Где встреча? – спросила Вера.

– В «Кабачке на Таганке».

Глава 2. Подлинное происшествие в «Кабачке на Таганке»

1

Излагая события так, как впоследствии толковал их сам Бубенцов, мы обнаруживаем множество нестыковок и несудиз. И всё-таки приходится довольствоваться именно этой версией произошедшего, поскольку иных источников нет. Конечно, в глазах каждого человека мир отражается по-своему. Никто из людей, оглядываясь в прошлое, не может точно и правильно определить причину произошедших событий. И вовсе не потому только, что у каждого свой, особый взгляд на мир. Беда в том, что всякое событие, когда оно произошло, неизбежно искажает причину, его породившую. Так камень, упавший в гладь пруда, безнадёжно коверкает отражение берега, неба, но самое главное – до неузнаваемости уродует фигуру того, кто бросил камень.

Около шести часов вечера в недорогом шумном ресторане, известном под именем «Кабачок на Таганке», неожиданно вспыхнул спор о влиянии богатства на характер и душу человека.

Спорили три старых товарища – Ерофей Бубенцов, Игорь

Бермудес и ещё один их собутыльник, по фамилии Тарас Поросюк. Все трое служили через дорогу, в театре. Это были люди обыкновенные, ничем не выдающиеся, не облечённые никакой властью. И уж, конечно, ни один из них не скопил за всю свою жизнь сколько-нибудь значимого капитала. Более того, ни у кого из них не было даже хотя бы смутной, туманной, отдалённой надежды разбогатеть. Мечты были, а надежды не было. И вот эти люди, у которых в лучшие-то их дни едва доставало средств расплатиться с официантами, ни с того ни с сего затеяли спор о богатстве, о его влиянии на душу и личность человека.

Поначалу ничего не предвещало, что тема богатства вообще будет затронута. Мелькнуло слово о деньгах, но вскользь и проходя. Это произошло ещё в самом начале, когда Ерошка Бубенцов и Тарас Поросюк охорашивались у большого зеркала в фойе.

– Тарас, раз уж такое дело, – как можно небрежнее сказал Бубенцов. – Пару тысячонок не подзаймёшь?

Упитанное лицо Поросюка в зеркале опечалилось, как будто Бубенцов сказал бестактность.

– До пятого, – принялся оправдываться Ерошка, и голос его немного дрогнул. – С мая за квартиру не плочено.

– Отчего ж до пятого? – сказал Тарас Поросюк. – Да хотя бы, будем говорить, и до десятого! Только ты сперва прежний должок верни. У Бермудеса вон попроси.

– Дрянь же ты, порося! – сказал Бубенцов.

Поросюк засопел, поджал губы и отошёл от зеркала.

У Игоря Бермудеса никто, конечно же, ни о каких деньгах спрашивать не стал. Шумный, рокочущий Бермудес умел только напускать на себя вид обеспеченного человека. Тем более что Бермудес, по обыкновению, пришёл не один. Тёрся рядом с ним, выглядывал из-за спины хмырь с обветренным, волчьим лицом и в сером макинтоше. Ерошка обратил внимание на большую полосатую суму, в каких бомжи носят постель и прочий необходимый скarb. Ошмыга сутулился, опираясь на палку, и, кажется, очень стеснялся своего присутствия здесь, в чистом, культурном месте. Перетаптывался в сырых, разбитых башмаках, оставляя грязные разводы на светлом мраморе вестибюля. А когда снял шапочку, чтобы вытереть пот, обнаружилось, что даже и голова у него особенная – острая, вытянутая шишом.

Метрдотель Макар Карлович Шпрух стоял всё это время в отдалении и, нахмутив седые брови, с большим неодобрением следил за голодной компанией.

Подозрения Бубенцова относительно незнакомца скоро подтвердились. Тот как присел с краешка стола, так и ютился там всё время. Сидел смирно, ни на что не претендуя, никого не беспокоя. Лицо длинное, губастое, несколько вытянутое вперёд, со сбитым набок носом.

Сразу же извлёк из кармана газету с рекламой, читал различные объявления. Чуть пошевеливались его синеватые,

как будто замёрзшие, толстые губы. Деликатно отворачивался, отодвигался в тень, пока официант принимал заказ. Иногда доставал большой в красную клетку платок, сдержанно сморкался, промакивал слезящиеся веки. Словом, производил впечатление очень несчастливового человека.

Даже когда принесли графинчик с водкой, не реагировал никак. Кушал бутербродик со шпротой. Прикрывался ладошкой, очевидно, стесняясь своих больших, выставленных вперёд зубов. По-прежнему скромно клонил лоб над газетой. Впрочем, кажется, и не читал её вовсе, тем более что газета лежала перед ним вверх ногами. Ерошке же Бубенцову, который сидел напротив, прямо в глаза бил заголовок, набранный чёрным, жгучим кеглем: «Ограбление инкассаторов в Сокольниках». Чуть ниже было припечатано пояснение: «Преступность не имеет национальности». Это означало, что грабителями были, скорее всего, уроженцы Кавказа.

Поначалу присутствие этого непьющего, поминутно шмыгающего носом алкоголика немного стесняло Бубенцова. Но произнесены были первые тосты, и чувства его успокоились. Раздражение окончательно рассосалось, когда выпит был начальный графин. Дородный, представительный Игорь Борисович Бермудес привстал и, озирая светлое пространство зала, выискивал официанта. Ерошка же Бубенцов поднёс к лицу опустевший графинчик и, поглядев сквозь сияющие грани на окружающий мир, воскликнул восторженно:

– Чего ещё можно желать от этой жизни? Чего?

– Это да! – охотно поддержал Тарас Поросюк, но прибавил: – Ещё бы денег немного, и вот тогда уж, будем говорить, нечего больше желать!

Полное лицо его после выпитого нежно розовело.

– Денег? – Ерошка повернулся, поглядел сквозь графин на Поросюка. – Тебе бы только «денег немного»?

– А тебе нет? – вскинулся Поросюк, чутко уловив интонацию. – Кого с квартиры гонят за долги?

– Всех сгонят, – сказал Ерошка. – Но раз уж ты заговорил о деньгах, тогда ответь мне на один вопрос. Вопрос, заранее предупреждаю, философский.

С этими словами Бубенцов со стуком установил хрустальный графинчик на середину стола.

– Итак, предположим, вот я, Ерофей Тимофеевич Бубенцов, – представился Ерошка, указывая вилкой на пустой графин. – А что бы вы сказали, если бы я вдруг разбогател?

Будь собеседники повнимательнее, они бы, конечно, заметили, как глаза незнакомца тускло сверкнули из-за газетного листа, но сразу же погасли. Но Поросюк и Бермудес в тот момент глядели на графин. А когда подняли глаза на Ерофея, на лицах обоих показалась снисходительная усмешка. Ясно было, что оба относятся к приятелю покровительственно и немного свысока.

– Вот, к примеру, на меня свалилось богатство. Переменюсь ли я? Изменится ли характер? Моя душа! Станет ли иной моя самость? Вот в чём вопрос!

– Всё переменится! – ни на секунду не задумавшись, сказал Бермудес. – В том числе, милочка, и строй твоих мыслей. То есть твоя натура.

Словно в подтверждение этих слов, рука официанта, высунувшись из-за спин, ловко убрала пустой графин, а на освободившееся место поставила полный.

– Деньги не делают человека ни хуже, ни лучше, – возразил Бубенцов. – Они проявляют, что есть в человеке. Был бедным, стал богатым. Дальше что? Характер-то у меня прежний останется.

– И характер переменится. Причём в худшую сторону, – заверил Тарас Поросюк. – Ты и так-то вздорный, а дай тебе миллион... Недавно передача была. Какой-то дед помер в Баварии и оставил племяннику, будем говорить, миллиард евро. Племянник от неожиданности в дурдом попал!

– Будем реалистами. – Бермудес потянулся за газетой, что давно уже раздражала его внимание. – Дай-ка сюда, милочка.

Незнакомец как будто давно ожидал этого, тотчас двинул газету через стол. Глаза его сверкнули по-волчьи исподлобья.

– Вот, не угодно ли, – даже не взглянув на него, продолжил Бермудес, стукнул указательным пальцем по газетному заголовку. – Инкассаторов в Сокольниках. Вчера. По всем каналам трубили. Отсюда надо плясать.

– Эти не поделятся, – сказал Поросюк. – Пляши не пляши.

– Да неважно, в конце концов, откуда взялись деньги! –

Бубенцов отпихнул газету. – Душа от них не переменится. И богатство прискучит.

Не то чтобы Ерошка был так уж убеждён в том, что богатство может как-нибудь «прискучить», но ему в данный миг нравился образ мудрого нестяжателя.

– Деньги правят миром, – сказал Поросюк и положил мягкую ладошку на плечо Бубенцова. – Подумай, прежде чем отказываться.

– А смысл? Внутренне я тот же, – возразил Ерошка. – Я весело привык жить. Что с деньгами, что без.

– Скажут, дурак же ваш Бубенцов! Отрёкся от денег! Нищим был и умрёт где-нибудь под платформой.

– Я вижу, кое-кто здесь готов душу заложить за деньги! Другу копейку пожалеет. В займы. А душу дьяволу – пожалуйста!

Дискуссия принимала опасное направление. Игорь Борисович Бермудес перестал жевать. Переводил взгляд с одного на другого, готовый в любой момент встать между соперниками.

– Ну, хорошо, подписал ты контракт с дьяволом, – продолжал Ерошка. – Получил миллионы, дворец с фонтаном, яхту, власть... Дальше что?

– Уж мы знаем что, – усмехнулся Тарас.

– Лычки и гроши? – усмехнулся и Ерошка. – За это готов душу продать? Что ты можешь придумать нового?

– А на коньяк? – Тарас озлобился. – Не изменится он!

Спорим?

– Да хоть и на коньяк. Дай руку!

Поросюк взвился, выбросил ладошку свою навстречу руке Бубенцова. Встрепенулся и Бермудес, привстал, как будто бы в стременах. И вознёс десницу свою над спорящими, точно Юрий Долгорукий на площади у Моссовета.

– Вали! – приказал Бубенцов.

Вот тут-то и вылез на авансцену тихий незнакомец.

– Позвольте, – негромко, но властно сказал он. – Я сам разобью.

И Ерофей Бубенцов, и Тарас Поросюк, и даже флегматичный Игорь Борисович Бермудес удивлённо повернули к нему свои лбы. Этот неприметный, молчаливый тип почти целый час находился рядом с ними, но никто до сей поры его как будто толком и не замечал. Как будто бы был не человек вовсе, а, к примеру, чей-либо пиджак или плащ, накинутый на спинку стула. Или казённый фикус в кадке, который иногда для домашнего уюта ставят в ресторанах подле стола. И только лишь теперь, когда этот фикус неожиданно подал голос, друзья наконец-то обратили на него внимание. До сих пор он находился как будто на втором плане, на обочине бытия, не в фокусе зрения. Тем более что странный этот тип вёл себя крайне деликатно, можно сказать, благочестиво. Водку не пил, хотя и не пропустил ни одного тоста. Исправно подливал в свою рюмку минеральную воду нарзан, церемонно чокался. Извивался, шмыгал простуженным но-

сом. Ни Бермудес, ни Бубенцов, ни даже Тарас Поросюк с расспросами к нему в душу не лезли. Видно было без всяких расспросов, что человек бывалый, всякого в этой жизни натерпелся. А отчего в данную минуту не пьёт, так тому может быть множество уважительных причин. Если человек «в за-вязке», значит, есть для того веские основания.

– У меня имеется некоторый положительный опыт в делах подобного рода, – старомодным слогом пояснил незнакомец, уставясь своими тёмными неподвижными зрачками в глаза Бубенцову. – Итак, вы стоите на том, что никакие богатства не смогут сломить ваш характер. Не в силах исковеркать вашу душу. Правильно ли я понял ваш постулат, многоуважаемый Ерофей Тимофеевич? Так ли это?

– Вали! – повторил Бубенцов угрюмо.

Незнакомец усмехнулся и, склонив свою плешистую, ост-роконечную, поросшую редкой шерстью голову, разбил руки. Ладонь его была холодной, почти ледяной.

– А теперь, господа, – учтиво продолжил незнакомец, обращаясь к Бермудесу и Поросюку, – нам бы хотелось кое о чём переговорить с уважаемым Ерофеем Тимофеевичем приватно. Буквально два слова. Будьте любезны!

И вот что поразительно! Бермудес с Поросюком послушно поднялись и, словно загипнотизированные, пошли к выходу. Едва приятели скрылись за дверью, Бубенцов перевёл взгляд на незнакомца. Незнакомец как будто ожидал этого момента, тяжёлые глаза его тускло озаарились.

– Одну секунду, уважаемый, – сказал он фамильярно, но вместе с тем многозначительно. – Одну краткую секунду.

Немного отодвинувшись, низко нагнулся, завозился со своей брезентовой сумой. Та застряла между ножками стула, никак не хотела вытаскиваться. Наконец, сопя и пыхтя, незнакомец высвободил её. С трудом поднял, угнездил на коленях. В суме находился какой-то беспокойный живой товар, который расползался внутри, перекатывался, разваливался, рыхло свешивался с колен, как будто там была навалена свёкла или что-либо подобное.

– Вот. К нашему разговору о богатстве, – бормотал незнакомец, подбивая коленкой провисающее дно и возясь с молнией. – Хотелось бы, так сказать, из области отвлечённой перейти... перейти...

Бубенцов молча, в некотором оцепенении наблюдал за дальнейшими действиями противника. Тот наконец отдёргнул молнию замка, сунул руку вовнутрь. Ерошка, конечно же, уже обо всём догадался и с полнейшей определённости знал, что сейчас произойдёт. Но мозг не хотел верить очевидному!

– Вот. – Незнакомец, усмехаясь, выдернул на свет несколько зелёных...

И тут у Бубенцова почти отлегло от сердца. То зелёное, что извлеклось из чрева сумки, оказалось не банковскими упаковками, а всего лишь свёрнутыми старыми штанами с генеральскими лампасами. Незнакомец с видимой досадой

отложил штаны в сторону, снова залез в сумку, выдернул на свет несколько... Да! Несколько новёхоньких пачек! Ровно столько, сколько сумели ухватить его пальцы.

– Не миллиард, конечно, – хмуро сказал он. – Но, как говорится, чем богат.

Подержал пачки в воздухе, а затем небрежно зашвырнул обратно, склонился над сумой, застегнул молнию.

– Нате! Берите! – сказал нечестивец, откинулся спиной и резким движением кирзового ботинка пододвинул сумку прямо к коленям окоченевшего Бубенцова.

2

«Ограбление в Сокольниках!» – гремело в голове у Бубенцова. Искал глазами давешнюю газету с заголовком, покосился даже под стол, но газеты нигде уже не было. Мёртвая, оглушительная тишина накатила, навалилась, накрыла всё. Бубенцов судорожно сглатывал, как пассажир самолёта, надеясь прочистить уши от ватной пробки. Тщетно! Видел, что вокруг кипела дымная и, вероятно, очень шумная, визгливая ресторанный жизнь – гремела посудой, беззвучно кричала, сталкивалась, клокотала, волновалась, пропадала, взывала, заламывала руки...

Один только незнакомец сидел, как ни в чём не бывало, откинувшись к спинке стула, хитро поглядывал на Ерошку Бубенцова и беззвучно посмеивался, весьма довольный про-

изведённым эффектом. Матово блестел его лоб с налипшими потными прядками. Волосы редкие, пегие и, как приметил Ерошка, с отливом в рыжину, какие бывают у дьявола.

Глава 3. Тот, кого нет

1

Бубенцов сидел с приоткрытым ртом, застывшим взором. К его обыденным ощущениям прибавилось нечто новое. Новизна заключалась в том, что Бубенцов понял: он всё уже знает наперёд. Знает обо всех трагических событиях, что непременно произойдут с ним и с миром в самом ближайшем будущем. Упала пелена, очистились мутные бельма, открылись глаза. Было нечто слишком знакомое во всём происходящем, как будто он это уже пережил или прочитал в сокровенной книге. А теперь лишь оглядывается из будущего, проверяя – точно ли и в том ли порядке, как должно, реальность воспроизводит давно уже состоявшиеся действия.

Беззвучно посмеивался искушитель над его замешательством и мукою. Бубенцову стало очень одиноко и очень страшно. От страха ему стало ещё более одиноко, а одиночество ещё более усугубило страх. Всё происходило именно так и именно в том порядке, как предначертано. Он знал, что произойдёт дальше. Знал во всех мельчайших подробностях. Однако, при полнейшей определённости этого знания, Бубенцов, если бы его сейчас попросили, не смог бы сказать ничего конкретного.

Вспышка озарения в один миг высветила подлинную картину мира, открыла настоящую суть вещей. Но обнажившаяся правда нестерпимым своим сиянием ослепила душу. Так бывает, когда человек поглядит на солнце или на что-нибудь ещё более яркое. Человек, надо признать, мало приспособлен для разглядывания истины. Свет её тотчас превращается в тёмный круг мрака! Всё было почти такое же, как прежде, только не было уже в этом мире игры, гармонии, красоты. Игры-то уже не было!

Будто бы много раз видел Бубенцов, как повторялась на репетициях в театре эта сцена, знал её назубок. Но то было понарошку, а теперь вот случилось наяву. Ужас заключался именно в том, что на этот раз не было никакой игры. Всё стало абсолютно реальным. Репетиция превратилась в подлинную жизнь. Всё происходило по-настоящему. Вместо блестящей, остроумной фальсификации на сцену вылез грубый, неотёсанный, корявый подлинник. Именно в подлинности происходящего заключался главный ужас.

Обнажилась косматая драматургия жизни, не признающая стройной поэтики Аристотеля, разбрасывающая эпилоги и кульминации как попало, не в лад и не в такт. Здесь наказание настигало героев прежде, чем они успевали задумать преступление. Кровавые развязки совершались там, где не было даже и намёка ни на какие завязки.

Всякое искусство и лицедейство окончилось. Как будто, представим себе, актёр Марат Чарыков, играющий Гамле-

та, сошёл вдруг с ума и в приступе белой горячки стал налево-направо, взад и вперёд протыкать железной шпагой коллег-актёров. Заколол одного, другого, третьего – короля, Лаэрта, Полония. По-настоящему. С хрустом входит шпага в живые трепещущие тела. Люди корчатся, вопят, воют, ползают на карачках, схватившись за животы. Артистка По-лынская вскрикнула в последний раз и затихла. «Прощай, Офелия!...» С обнажённым окровавленным клинком, смутно улыбаясь, облизывая белые губы, Чарыков приблизился наконец к самому режиссёру-постановщику Эдуарду Ценципперу. Тот, перебирая и отталкиваясь ногами, отъехал со своим креслом к самому краю оркестровой ямы. Опасно колеблясь, кресло зависло над бездной. Зубочистка застряла во рту режиссёра, он весь оцепенел, отвалился к спинке, не в силах пошевелиться, не в силах отвести глаз от кончика клинка. Зрачки забавно сошлись к переносице, лицо бледно, зубы оскалены.

Но никто не улыбается. Никому не смешно. Всё замерло вокруг, парализованное ужасом происходящего. Приостановился проходивший мимо пожарный. В подлинность совершающегося ещё никто не может поверить. Разум протестует. Но глаза-то видели, видят. Кровь настоящая. Вон уже затих Полоний, вернее, заслуженный артист Игорь Борисович Бермудес. Отдал душу. «Прощай, навсегда!...» Всхрапывает последним всхлипом заколотый безумцем Лаэрт, он же Тарас Поросяк, с которым Марат Чарыков перед репетицией

пил пиво в гримёрной.

2

И вот какой любопытный выверт сознания произошёл у Бубенцова. Психологам нелишне взять это на заметку! Случайно оголившаяся перед Ерофеем подлинная суть бытия оказалась так страшна, что ум его в панике выскочил за свои пределы. Инстинкт самосохранения принудил считать всё, что с ним в данную минуту происходит, вымыслом.

Было совершенно очевидно, что он столкнулся с нечистой силой. Слишком многое совпадало! Во-первых, когда смертному человеку является бесплотный дух, человека неизбежно охватывает страх. Кое-какие характерные повадки нечистой силы Ерофей помнил из книг. Читал описания демона-искусителя и в знаменитом весёлом романе Михаила Булгакова, и в скучнейшем сочинении «Доктор Фаустус» Томаса Манна, и в «Звезде Соломона» Куприна, и в «Фаусте» Гёте.

Но, читая эти описания, Ерошка всегда помнил, что дьявол – не более чем литературный вымысел. На самом деле никакого дьявола не существует. Значит, всё происходящее теперь не может быть реальностью.

Ум понемногу и с оглядкой возвращался в свои пределы. Прибирал раскиданное при бегстве, поднимал опрокинутое, расставлял по привычным местам...

Успокаивая себя рассуждением, что «всё понарошку», Бу-

бенцов теперь уже с этой безопасной позиции приглядывался к искусителю. Толстые губы, сбитый набок надменный нос, тусклые, наглые глаза, залысины. Если не вглядываться пристально, то можно принять за обычного человека. Но что-то всё-таки было в нём и не вполне человеческое. Что-то выпирало из-под оболочки. Во-первых, голова шишом... Да ещё и запашок этот. Но ведь не чёрт же он, на самом-то деле! А если это не чёрт, то кто же? Сумасшедший, вот кто!

Ерофей догадался вдруг, что кривая усмешечка на лице незнакомца – на самом деле никакая не улыбка. Это гримаса безумия. Всё стало стремительно проясняться! И понятна теперь эта смертная тоска в глазах незнакомца! Понятен и объясним стал теперь сумасбродный жест. Сумасшедшие люди поступают соответственно. Слабоумному ничего не стоит пырнуть вилкой официанта или помочиться посреди зала. Это для него норма. Или вывалить вот так на стол миллион, а то и два-три миллиона долларов. Запросто. Так что всё нормально. В той системе координат всё ненормальное – нормально.

3

Мир, пришедший в норму, снова ожил, задвигался во-круг. Время опомнилось, пошагало, а затем и побежало вперёд. Все привычные вещи вернулись. Всё расставилось на свои обычные места, рассчиталось на первый-второй. Бубен-

цов с некоторым облегчением выдохнул и, не сводя напряжённых глаз с полоумного незнакомца, стал опускаться на сиденье. Всё в пределах нор...

Но позвольте, позвольте, позвольте, позвольте!.. Позвольте.

Ерофей Бубенцов снова вскочил. Даже если и так, то ведь ничего не объясняется. Пусть этот тип – сумасшедший. Главная-то загвоздка остаётся! Снова качнулась, покосилась, опасно стала потрескивать хрупкая конструкция мира. Бубенцов поневоле расставил локти, пытаясь сохранить равновесие. Не расплескать помутившийся рассудок.

Позвольте, откуда?

Позвольте, откуда у нищего алкаша...

Позвольте, да откуда вообще взялась эта набитая валютой сума?!

«Ограбление в Сокольниках»? Нет, не похож он на грабителя! Не может того быть! Но вот же реальность. Вот она, тычется в самые ноги! Всякий подтвердит... Тот, кому доводилось участвовать в теневом обороте наличных капиталов, с готовностью засвидетельствует, что миллион долларов в банковских упаковках новенькими сотенными банкнотами весит примерно десять килограммов и вмещается в кейс типа «дипломат».

В сумке незнакомца, что лежала теперь у ног Бубенцова, без труда поместилось бы содержимое трёх таких дипломатов.

Незнакомец сидел, отвалившись к спинке стула, по-наполеоновски сложив на груди руки, и с высокомерной наглостью разглядывал Бубенцова, оттопырив при этом довольно презрительно толстую и мокрую нижнюю губу.

Бубенцов всё яснее понимал, что только что был втянут в опаснейшую провокацию. Что провокация всё ещё продолжается, и последствия этой провокации могут быть самые скорые, серьёзные, страшные.

Незнакомец, как будто подслушав мысли, подался к нему, быстро, интимно проговорил:

– Да что ж вы смотрите на меня, как на городского сумасшедшего? Поймите же, наконец! Нет тут никакой провокации! Я в полном здравии и в ясном уме.

В доказательство склонил плешивую голову, нахмурился, постучал пальцем по середине лба. И Бубенцов уже не возражал, поверил. Да-да. Чистая правда. Так оно и есть. Всё верно. А стало быть, здесь ничего не произошло понарошку, всё подлинное. Это не забавная выходка пьяного полудурка, о которой назавтра можно вспомнить с юмором и смехом. История настоящая. А настоящая история всегда серьёзна.

Бубенцов потянулся к чарке.

– Я уж тогда тоже. Если позволите. Аналогично. Налью себе, – сломался наконец незнакомец.

Ерофей холодно кивнул. Он знал случаи, когда после семи лет воздержания алкоголик неожиданно прекращал внутреннюю борьбу и без всяких видимых причин срывался в штопор. Незнакомец налил полный фужер:

– Ну, вздрогнем!

Рука Бубенцова от этих слов и в самом деле дрогнула, он немного расплескал из рюмки.

5

«Хоть бы поскорее уже вернулись Бермудес и Поросяк! Где их носит чёрт? Тс-с... Зачем я чёрта упомянул? Зачем? Нельзя же...»

Ресторанные столики, которые до этих пор жили автономной жизнью в безопасном отдалении, потихоньку стали подвигаться, подкрадываться поближе, окружать, замыкать кольцо, перегораживать пути отхода. Бубенцов быстрыми косыми взглядами пронизывал пространство, склоняясь над столом. Хмурил недовольно брови, как будто рассматривая пятнышко на скатерти.

Иллюзии, в которых так покойно и удобно живётся человеку, растаяли в одно мгновение. Уютный зал с накрытым столиком в уголке внезапно перестал быть уютным. Превратился в западню.

«Как только у тебя появились миллионы, ты стал жертвой. Вся нечисть мира будет расставлять на твоём пути сети, кап-

каны, петли. Алчная свора будет забрасывать свои блёсны, караулить миг, когда ты погонишься за наживкой. За двумя блёснами погонишься... На обе и попадёшься. Это не зайцы, нет».

Примерно такой сумбур трепетал теперь в голове Бубенцова. Он не выдержал терзаний.

– Откуда? – прикрыв ладонью рот, не поворачивая лица к наглому негодяю, хрипло спросил Бубенцов.

– Долго рассказывать, – беспечно сказал тот, роясь вилкой в блюде с овощами. – Да вы и не поверите. История в своём роде уникальная.

– В двух словах, – попросил Бубенцов, клонясь ухом, томимый сутолокой догадок. – Как же ты с этим в ресторан впёрся? Опасно же!

– Все мы смертны, – уклончиво ответил гадёныш и тоскливо усмехнулся. – Сами намедни остроумно заметили, что всех когда-либо сгонят с квартиры. Вперёд ногами. Когда долг накопится, а платить-то будет нечем.

– Ты мне дешёвой философией мозги не отвлекай! – строго прикрикнул Бубенцов. – От тебя ждут ответа по существу.

– Теперь вы можете заплатить за вашу квартиру. Лет на триста вперёд, – как будто не слыша его, гнул своё негодяй. – Вплоть до скончания ваших земных сроков.

Ерошка почувал сердцем, что находится совсем рядышком с коварным, хитрым духом. Противник тоже как будто почувствовал неладное, метнул из-под насупленных бровей

острый взгляд.

Вероятно, найдутся люди, которые попытаются объяснить странность поведения Бубенцова действием выпитого алкоголя. Все эти перепады настроения, озарения и прочее. Это не так. Забавный психологический феномен, который всё это время наблюдал сам Бубенцов, видя себя как бы несколько со стороны, состоял в том, что Ерофей отдавал себе полнейший отчёт в том, что разговаривает он теперь не с человеком. Что перед ним сидит в материальном виде, в человеческом образе – инфернальная сила. Проще говоря – чёрт. «Если это не сумасшедший, то кто же? Чёрт, вот кто! Всё-таки это чёрт. Те, кто с ними не встречался, говорят, что их нет, а они есть!...»

Бубенцов мог протянуть руку и пощупать своего чёрта. При всём этом Ерофей, как уже говорилось, в реальность духовного мира не верил, а если прежде допускал существование чёрта, то только лишь в народной мифологии, в произведениях классической литературы или в воспалённом сознании алкоголика Марата Чарыкова. И вот сейчас, напрямую беседуя с чёртом, видя его перед собою, ощущая зловонное дыхание, но при этом ни капельки не веря в его объективное существование, Бубенцов из какого-то природного, совершенно нелепого в данной ситуации чувства деликатности старался сделать вид, чтобы этот чёрт ни за что не догадался, что Ерофей в чертей не верит. Ерофей понимал, что взиави его чрезвычайно чуток и догадлив. Боялся, что если его

неверие обнаружится, то это может оскорбить, обидеть собеседника. Поэтому надо из приличия притвориться, показать, что верит в его существование. И не только в этого конкретного чёрта с толстым носом, чёрными зубами, но вообще в чертей и в ад. Ерофей тактично делал вид, что черти – это нормально, в порядке вещей. Ведь на том же Западе чёрт – давно уже вполне обыденное явление, наравне с венчанием педерастов или кормлением голубей у фонтана, на которое порядочный человек и внимания-то не обратит.

– А ну-ка, колись, нечистый! – грозно сказал Бубенцов и привстал с места, сжимая в кулаке вилку. – Откуда ты взял это? Извращенец!..

– После, после, – отмахнулся захмелевший шут. – После, я сказал! Всё под контролем.

Склонил голову, громко икнул, пьяно подмигнул Бубенцову. Бубенцов вдруг утратил всю свою решимость, безвольно опустился на место. Сидел, оглушённый, наблюдая за тем, как паскудник хозяйничал за столом. Тот накладывал на хлеб колбасу, стелил поверху лист салата. Оглянулся по сторонам, извлёк из внутреннего кармана плоскую фляжку коньяка. Снова подмигнул Бубенцову, запрокинул голову и жадно, мощно, так, что втягивались щёки, высосал содержимое. Быстро-быстро стал жевать, постукивая лошадиными зубами.

– Нет, ты объясни, подлюка! – потребовал Бубенцов. – Что за фигня такая? Что за подстава?

– Всё под контролем, – упрямо повторил наглец.

Было совершенно очевидно, что ничего у него не под контролем. Что этот хмельной, безответственный тип...

– Нельзя же вот так! – просвистел Бубенцов. – Светиться. Убить могут! Это же всё равно что бомба под столом. Я глядеть туда боюсь. Она же тикает там!

– Понимаю, – тихо сказал негодяй, кивая в сторону соседских столиков. Вздёрнул верхнюю губу, и крупные, выставленные вперёд зубы его оскалились до самых дёсен. У Бубенцова снова оборвалось сердце, мороз пронял до ногтей, сами собой пошевелились волосы на голове от этой невозможной, невыносимой улыбки.

– Понимаю ваши тревоги, – повторил гадёныш, пододвигая свой стул вплотную к Бубенцову. Приплёвывая в самое ухо, горячо зашептал: – Тридцать килограмм денег. Два пуда наличных!

Проговорив это, отодвинулся, сел ровно. Снова превратился в совершенно нормального, серьёзного собеседника.

– Я понимаю, что вас несколько смущает будничность происходящего. Обычно великие богатства и сокровища связываются с заповедными кладами, хозяйками Медной горы, сюжетами Монте-Кристо. Для человека небогатого получение нескольких миллионов является делом неординарным. В нашей же среде это обыкновеннейшая, скучная рутина. Ежесекундно в мире большого капитала перемещаются гигантские суммы нажатием одной клавиши. Ваши миллио-

ны, уважаемый Ерофей Тимофеевич, это даже не вес мухи и даже не вес крыла её. Пар! Пар от дыхания, который был и рассеялся, простите за сравнения.

– Пар от дыхания мухи?

Раскатистый женский смех донёсся из дальнего угла ресторана. Смех этот живо напомнил Бубенцову лай ведьмы, если её, к примеру, неожиданно сбрызнуть святой водою. Чёрт же, ни на что не обращая внимания, вытащил засаленную записную книжку, открыл её наугад, нашёл свободный от записей угол, ткнул пальцем:

– Вот здесь поставить вашу подпись. Мне формально, для отчёта.

– Нет! – отшатнулся Бубенцов, выставляя вперёд длань, как алкоголик, отказывающийся от рюмки на известном советском плакате.

– Я не кровью прошу расписаться.

– Нет! – ещё твёрже промычал Ерофей, не разжимая губ.

– От подписи отказался, – добродушно проворчал искusstель, захлопывая книжку. – В прежние времена охотнее расписывались. А теперь унесите это от греха. Смелее, прошу вас! Деньги любят крепкую, уверенную лапу! В этом они, к сожалению, подобны ветреным женщинам. У них капризный, переменчивый нрав.

Ногой подпихнул сумку в направлении Бубенцова.

– Нет! – закричал Бубенцов, вскакивая. – На них... Кровь!

– А-а! Вот оно в чём дело! Как это я сразу не сообра-

зил! «Ограбление сбербанка в Сокольниках»! То была шутка. Психологический этюд. Не мог себе отказать. Называется «направить лоха по ложному следу»... Успокойтесь же, наконец! Я, кажется, в пылу спора не представился.

Поднялся, приложил руку к груди, церемонно поклонился. Бубенцов так же медленно опустился на сиденье. Со стороны могло показаться, что они качаются на незримых качелях.

– Моя фамилия Шлягер, – нависая над Ерошкой, застыл белый свет, раздельно и веско сказал дьявол. – Адольф Шлягер!

Бубенцов молчал. Задрав голову, с ненавистью и страхом смотрел в близкое, наклонившееся к нему лицо. Собеседник выждал паузу, но, не видя никакой реакции, сел. Вздохнул, вытащил платок, высморкался неторопливо, с достоинством.

– Адольф Шлягер, – повторил он печально. – Это про меня не так давно писали газеты. Умер дядя мой. Амадей Скокс, остзейский барон. Но оставил не три миллиарда, тут журналисты прилгнули. О чём бишь я? Да... Деньги не приносят счастья. А уж тем паче бессмертия. Увы... Впрочем, вы сами скоро убедитесь.

Бубенцов молчал.

– Ничто так не облегчает душу покойного, – продолжал Адольф Шлягер, – как поданная за него милостыня. Так что не отказывайтесь. Это вам, как человеку нищему, остро нуждающемуся, милостыня от покойного богача. А вы тут на-

фантазировали. Стыдно!

Всё это произносилось самым скорбным тоном, но таилась под спудом такая явная насмешка, что Бубенцова всего аж передёрнуло.

– Да-да, стыдно и зазорно! – строго повторил демон, заметив это передёргивание. – Но чтобы уж окончательно развеять ваши сомнения...

Тут Шлягер проворно слазил во внутренний карман, вытащил свёрнутую в трубочку бумагу с зелёными разводами, с какой-то даже приклеенной разноцветной канителью и красной кисточкой. Ловко развернул, сунул в безвольную ладонь Бубенцова свиток с золотыми гербовыми печатями:

– Читайте.

Ерошка дрожащей рукой развернул бумагу.

– «Я, Бубенцов Ерофей Тимофеевич, – тихо и обречённо читал он, точно произносил собственный приговор, – получил в вечный дар... от Амадея Скокса... при посредничестве Шлягера Адольфа...»

Шлягер снова пнул сумку.

«Откуда он? В первый раз меня видит! А фамилию-то знал заранее! Истинный чёрт!...»

Тоскливый стон вырвался из горла Бубенцова.

– Благодарю за соболезнования, – угрюмо сказал Шлягер. – Забирайте. На добрые дела. Впрочем, на ваше усмотрение. Можете использовать и во зло. Тут я не вправе ограничивать вашей свободы. Но умоляю, не забывайте ваш се-

годняшний спор с достопочтенным Тарасом Поросюком!

Снова налил водки в большой фужер, выпил залпом, запрокинув голову. Веки его почти сомкнулись, но в тёмном прищуре сверкнули внимательные, умные искры.

Ах, кабы не нужны были Ерошке Бубенцову эти проклятые деньги! Совсем иной разговор был бы у него! Стал бы он так унижаться! Стал бы позволять ставить над собою такие эксперименты! Но ведь деньги нужны были ему позарез! И именно большие деньги.

6

Бесы всегда стремятся искусить человека тем грехом, который естественно и логично следует из его жизненной ситуации. Сложно описать те несколько десятков самых разноречивых чувств, что кипели, бурлили, перемешивались сейчас в голове и в сердце Бубенцова. Но, несомненно, два из них были сильнейшими – страх смерти и ликующее, лязгающее торжество. Ужас и восторг! Великая радость обладания богатствами, пусть низменная, поганая, болезненная, придавала ему сил и энергии. Древняя страсть, именуемая страстью сребролюбия, глушила все доводы рассудка, отражала резоны логики. Все житейские проблемы, которые терзали его и Веру, разрешались в один миг. Смолкнут навеки наглые голоса, уберут из-под дверей похоронные венки, извлекут наконец-то гвоздь из глаза бедной куклы. А самое-то важное –

этих денег с лихвою хватит на то, чтобы приглушить сухой кашель, который весь последний год мучает Веру. Эти деньги помогут избавиться от тлеющего в ней невидимого огня.

Страшный собеседник, сделав своё пакостное дело, уже посвистывал и поминутно всхрапывал, откинувшись на стуле, вытянув ноги в грубых кирзовых башмаках. Тускло мерцали незрячие, жабыи глаза сквозь полуприкрытые веки. Бубенцов в своей жизни повидал немало алкоголиков. Поэтому достоверно знал, что этот, который дрыхнет теперь напротив, ничего не будет помнить, когда очнётся. На крайний случай бумага есть для отмазки, гербовая. Ерошка сунул бумагу в сумку. Есть чем оправдаться, если предъяву кинут серьёзные люди, начнут разбирать дело по понятиям. Рука сама собою задержалась внутри. Он поглаживал, осязал подушечками пальцев приятную плотность денежных пачек.

Ерошка принял окончательное решение. Впрочем, окончательное решение было принято им ещё в самый первый миг. Ясно понимая, что опасный груз следует как можно скорее унести, понадёжнее упрятать, Ерофей Бубенцов подхватил суму, набросил лямки на плечо, поспешил к выходу. У выхода оглянулся на свой столик. Демон бесчувственно, мёртво дрыхнул на сиденье.

Как только Бубенцов выбрался из ресторанного гомона и огляделся в фойе, он разумно рассудил, что выходить через парадный вход ему сейчас не след. Ни к чему. Там стоял суровый швейцар Макар Карлович Шпрух. Как раз в эту ми-

нуту швейцар, подперев башмаком приоткрытую дверь, препирался через узкую щель с двумя обритыми наголо забулдыгами.

Клонясь на левый бок, чувствуя, как больно врезается в правое плечо лямка, Ерошка поковылял к заветному запасному выходу, толкнул железную дверь. Оказался в узком переулочке, на тыльной стороне Таганки. Переулочек удобно скользил вниз, утыкался прямо в заднюю стену театра, в широкие служебные ворота. К радости Бубенцова, ворота были распахнуты настежь, рабочие сновали у крытого КамАЗа, выгружая из кузова громоздкий театральный реквизит.

Ерошка устремился вниз по пустому переулку, покатился с горы. Не задерживаясь в дверях, влетел в полумрак закулисья, под гулкие своды, едва освещённые тусклым фонарём. Знал, где можно упрятать опаснейший груз. Схоронить быстро, надёжно. Только там. Никто не найдёт, не догадается. Вот в этот укромный угол, в мрачную подсобку. Во время ночных обходов дежурные старались сюда не заглядывать. Там сваливался и хранился страшный, пугающий реквизит, предназначенный для спектакля-сказки о семи страстях. Три года назад, устроившись в театр пожарным, Бубенцов забрёл сюда, совершая свой первый обход. Была полночь, он робел в тишине огромного пустого здания, гулко обступающего со всех сторон. В ночном театре царила та особенная грусть запустения, которая всегда бывает в покинутых зданиях, многолюдных и шумных днём. Казалось ему, что стерегут за

каждым углом недобрые призраки, духи отыгранных спектаклей. Ждал каждую минуту какой-нибудь мистической пакости, насильно улыбался, бодрил себя. Слышался вдруг за тёмной сценою дальний осторожный стук. Затем треск паркета на втором этаже, осторожные чьи-то шаги, приглушённый стон... Ерошка не знал тогда, что актёр Марат Чарыков иногда остаётся, ночует в своей гримёрке.

Спустившись в подвал, Бубенцов разглядел в глухом углу кощеев ларь, перетянутый коваными полосами медно-зелёного цвета. Откинул крышку, свалил с плеч ношу, захлопнул. Обтряхнул руки, выпрямился. Теперь, когда деньги были упрятаны в надёжное место, чуть успокоился. Можно было потихоньку, небольшими дозами, запускать в сердце ликующую радость.

Обратный путь к «Кабачку на Таганке» занял всего ничего, поскольку возвращался налегке, порожняком, подгоняемый лёгкими, приятными мыслями.

Глава 4. Шапка на вырост

1

Бубенцов распахнул стеклянную дверь. И обнаружилось, что ни в ресторанном зале, ни вообще во всём окружающем пространстве, а вполне возможно, что и во всём мире за эти прошедшие минуты его отсутствия ничего не изменилось. Всё тот же ровный гомон стоял в дымном воздухе. Никто о нём не вспомнил, не хватился. Точно он, вкупе со всем своим огромным достоянием, ничего не значил.

Ерошка некоторое время помедлил в проёме. Две пальмы росли справа и слева от прохода, соединяясь ветвями, образуя арку над головой. Поток тропического тепла выкатывался навстречу из шумного зала, едва не сносил с ног. От этого тепла покалывало замёрзшие щёки и лоб. Пещерным, первобытным духом веяло из глубины, где шевелилось, галдело многорукое растревоженное племя. Ерошка топтался в дверях, вглядываясь в укромные углы, не решаясь вступить в опасные заросли. Из-за мохнатых стволов там и тут показывались свирепые, красные лица. Иногда над столами, чертя воздух чёрными крыльями, проносились официанты во фраках. Они пикировали сверху, уклонялись в последний миг от смертельного столкновения с землёй, расхаживали вокруг

столиков на пружинистых ногах, раскладывали принесённые куски добычи.

Бубенцов вышел наконец из-за пальмы, направился в свой угол. Встрепенулись музыканты на маленькой эстраде. Удалили смычки, тихо, сдавленно заголосили скрипки. Одна из скрипок, когда Бубенцов проходил мимо, не удержалась, зарыдала мужским трагическим баритоном.

Бубенцов ещё не вполне понимал истинный масштаб события, участником которого оказался, но знал твёрдо: надо остерегаться. Инстинкт подсказывал, что ситуация хотя и благоприятна, но крайне опасна. Тут, быть может, сама жизнь поставлена на карту. И неизвестно ещё, какого достоинства та карта, на которую поставлена его бесценная, единственная жизнь. Вполне возможно, что вовсе не козырный туз и не король бубен, а самая мелкая шестёрка трэф.

Психологически Ерофей уже вполне освоился с произошедшим, сознание приняло свершившийся факт, примирилось с ним. Чего ищет человек, внезапно обретший сокровище? Уединения! Бубенцову не терпелось поскорее отделаться от друзей, распрощаться, уйти домой, запереться в отдельной комнате и всё не торопясь обдумать.

2

Друзья его, Бермудес и Поросюк, разливали водку в большие хрустальные рюмки. Официант, доброжелательно по-

глядывая на них, хлопотал за соседним столиком, позвякивал, прибирал посуду. Шлягер пропал.

– В туалете, – объяснил Бермудес. – Я думаю, милочка, простатит у него. Так и шмыгает туда-сюда.

– Странный тип, – сказал Бубенцов, присаживаясь. – Приятель твой. Где ты его выкопал?

– Да, со странностью, – согласился Бермудес. – Только он не мой приятель. Я его второй раз вижу.

– Откуда взялся?

– Пристал случайно. – Бермудес на секунду задумался. – Да. На съёмочной площадке в Красногорске. По-моему, простой директор.

– Нажрался, пока тебя не было, – сказал Поросяк. – Выхвалялся, что живого человека ел. На Севере в буран попали. Друг ногу сломал. Выставит на мороз, а потом отпилят. Оба, говорит, целую неделю ногой этой питались, пока спасатели их искали...

– Враль знатный, – сказал Бермудес. – Любит дешёвые эффекты.

За спиной послышался звон упавших ножей, женский взвизг. Приятели обернулись. Нынешнее появление Шлягера составляло решительный контраст с его первоначальным образом, когда он был подчёркнуто робок, стеснителен. Шлягер небрежно отстранил вскочившего Поросяку. Плюхнулся на стул, закинул ногу за ногу.

– Наливай! – приказал кратко, ни к кому не обращаясь. –

Штрафную!

Все молчали, никто не пошевелился. Глядели на Шлягера.
– «Ведь мы ж не пр-росто так! Мы штр-раф-ники!..» – речитативом пропел Шлягер, нарочно подпустив хрипа в козлиный свой голос. – Гитары, жаль, нет.

Порыскал глазами вокруг, как будто ища гитару. Подхватил графинчик, наполнил фужер по самые края. Влажные его руки дрожали. Всё происходило в полнейшей тишине.

– Ну, вздрогнем!..

– Вздрагивали уже, – сказал Бубенцов, следя за тем, как ходит кадык у запрокинувшегося Шлягера.

Шлягер в три больших глотка опустошил фужер. Выдохнул жарко, с шумом. Потрепетал ладошкой вокруг огнедышащего рта. Бубенцов во все глаза глядел на непонятного человека, который так неожиданно ворвался в его жизнь, всё в ней расшвырял, перевернул, перепутал. Шлягер же сидел, жевал салат, не обращая никакого внимания на Бубенцова. Бубенцов покашлял. Шлягер перестал жевать, поглядел на него с таким выражением, как будто видел впервые. Grimаса отвращения исказила его черты.

– Сумочку-то верните, – сказал Шлягер. – Вам ни к чему, а с меня спрос.

– Какую... сумочку?

– Казённую. Я директор фильма, – почужев лицом, хмуро и трезво сказал Шлягер. – Вы сумку упёрли. Там реквизит. Для кино.

Бубенцов приподнялся. Шлягер поспешно отодвинулся вместе со стулом. Взвизгнули железные ножки, проскреже-тав по полу.

– Э-э-э, Ерошка... – Бермудес встал между ним и Шлягером. – Ерошка!

– Психология понятная. – Шлягер криво усмехался, выглядывая из-за плеча Бермудеса. – В театр, скорее всего, унёс. Припрятал в укромном месте. Рефлексы просчитываются на раз-два. Всё ж написано на лице. Уровень примата.

– Не надо хамить, – сказал Поросяк. – Верни сумку, Бубен.

Ерофей опустил глаза, чтобы скрыть выступившие слёзы. Глубоко вдохнул, выдохнул. Не помогло.

– Уровень примата? – глухо переспросил Бубенцов, исподлобья глядя на Шлягера. Хотел добавить ещё кое-что, но голос пресёкся.

3

Выйдя из железной двери, некоторое время постоял на крылечке, глотая морозный воздух. Лохматыми хлопьями падал снег. Бездомный человек, склонившись над мусорным контейнером, копался в отбросах. Вот то-то же. Не унывай, брат! Ты не самый несчастный человек на этой земле.

– Не унывать! – вслух повторил Ерошка и, оскальзываясь на снегу, пошагал вниз, к театру.

Когда-то всё это уже случалось с ним. И стояла в горле такая же злая, бессильная обида, что и теперь. Это было в детстве, когда у него отняли деньги. Он вспомнил сейчас звонкий зимний день, солнечный и морозный. А может быть, день был обычный, тусклый. И так ярко сияет он только в памяти. Десятилетний светловолосый мальчик, шмыгая носом, стоял возле сапожного киоска у входа в Казанский вокзал. Минуту назад его перехватили двое подростков в спортивных штанах и одинаковых куртках. Один коротконогий, сутулый, в кепке. Другой плотный, рослый.

– Гони деньги, фраер, – сказал плюгавый.

Ерошка безропотно отдал плюгавому деньги. Отчим в тот момент был далеко, на платформе, возле электрички. Ждал, что Ерошка принесёт хлеб: две буханки по четырнадцать и батон за двадцать две.

Слёзы готовы были пролиться из глаз, но мальчик застылся старика, что глядел на него из сапожного киоска. Сапожник, мелкий, ловкий, как чёрт, клонился над ботинками старика, полировал их, работал локтями с бешеной скоростью, как боксёр в ближнем бою. Оторвался от работы, ловким движением слепил обе щётки щетиной. Поднял тёмное лицо, поглядел на Ерофея. Пронзительные, насмешливые глаза ассирийца заглянули прямо в душу, в самый мозжечок. Мальчик понял, что чистильщик обуви тоже видел его позор. Ерошка глубоко вдохнул, выдохнул. Никогда ещё в жизни не попадал в такое безвыходное положение. Осознав

это, заплакал. Старик поднялся с низенькой скамеечки, ки-
нул деньги в фартук чистильщику. Постукивая тростью, на-
правился к мальчику. Положил руку на плечо.

– Я видел, – сказал он.

– Их двое было, – сказал мальчик.

Ему было стыдно за то, что старик видел, как покорно он
отдал деньги.

– Не унывай, – сказал старик. – Вот тебе рубль.

Мальчик так же безропотно, как давеча расстался с день-
гами, принял дар. В булочной у входа в вокзал купил два
чёрных и батон. Принимая сдачу, вспомнил, что не поблаго-
дарил старика. Но тот, оказывается, ждал его у выхода. Это
было неприятно. Ерошка успел привыкнуть к тому, что сда-
ча от рубля принадлежат ему. Успел уже распределить, рас-
планировать, выделить на мороженое. Но старик отстранил
протянутую руку со сдачей.

– Оставь. Ты почему на морозе без шапки? – проговорил
старик, наклонил голову, горько усмехнулся. – Нельзя так.
Воспаление мозга будет. Вот, возьми.

С этими словами, такими простыми и такими необыкно-
венными, старик снял со своей головы великолепную пыжи-
ковую шапку, надел на голову мальчика. Ветер тотчас раз-
ворошил длинные седые волосы старика. Руки старика в
жёлтых перчатках сложены были на набалдашнике трости.
Мальчик догадался, что старик этот, вероятно, какой-нибудь
начальник или профессор.

Старик улыбнулся и сказал:

– Мне тут два шага. Вон тот дом с аркой.

Повернулся и пошёл прочь, постукивая тростью в обледенелый асфальт.

– Не унывай, – крикнул старик, обернувшись на прощание. – Никогда не унывай, мальчик!

День тогда был всё-таки ярким, солнечным и морозным. И навек таким остался.

Ерошка, запыхавшись, прибежал к электричке. Отчим постучал по крышке карманных часов.

– Молодец! Дай сюда, – озираючись, снял с головы Ерошки пыжиковую шапку, сунул добычу за пазуху. – Сохраним до совершеннолетия.

Потом курил в тамбуре, делая вид, что верит сбивчивому рассказу Ерофея. Про чудного старичка-профессора. И всё-таки на всякий случай предупредил:

– Небось одумался уже. Профессор твой. Главное, тебе с ним не встретиться. Вещь дорогая. Потребовать может обратно. Увидишь его где – не подходи. Чурайся старика.

Глава 5. Лихо одноглазое

1

Где-то совсем рядом толклась, гомонила неусыпающая жизнь города. Сюда докатывались только невнятные лязги, скрежеты, сигналы, вскрики. Звуки доносились как будто из другого мира, сама же узенькая улица, застроенная старинными купеческими домами, была тиха и пустынна.

Из-за угла трёхэтажного кирпичного дома осторожно выглянул человек, оглядел безлюдное пространство, спрятался. Затем ещё раз выглянул и только после этого выступил из укрытия. Побрёл, мягко постукивая палкой. Опущенное лицо его было в тени.

Редкими хлопьями падал пушистый новогодний снег. Цеплялся, вис на ресницах, таял на носу и, скатываясь по щекам, щекотал ноздри. Человек чихнул, снял с головы лыжную шапочку, протёр ею мокрое лицо и поднял голову. Тут, в свете фонаря, обнаружилось, что на лице прохожего темнеет вовсе не синяк. Глаз закрывал пиратский чёрный кружок на резинке, что наискосок пересекала лицо.

Бродягу звали Жорж Жебрак. Выглядел он неуклюжим толстяком, однако под плащом, надетым поверх бушлата, скрывался костистый, сутулый человек, сухой и жилистый.

Жебрак, прихрамывая, побродил по задворкам «Кабачка на Таганке». Отогнал палкой двух сытых крыс, не торопясь обследовал мусорные баки. Ни в одном из трёх баков не оказалось ничего достойного. Жебрак огляделся. Можно было пойти вон на то место под колоннами у метро «Таганская». Этот пяточок напротив театра был ещё не вполне освоен им. Бродяга только издалека присматривался к нему. Так бездомный кот, попав в незнакомый, чужой двор, сперва долго изучает окрестности, примостившись в укромном уголке, у вентиляционной трубы над крышею чёрного хода, и только в сумерках осторожно, с оглядкой отправляется на поиски поживы.

Место у метро было доходным, добычливым, но и опасным. Жебрак не спешил, медленно брёл по тротуару, внимательно приглядываясь к намеченному пяточку. Две красивые проститутки стояли там, прислонясь к колонне. Рядом с ними прохаживался полицейский.

Жебрак склонился над контейнером, что стоял у приоткрытой железной двери, копался в отбросах. Изнутри, из кухни ресторана, веяло тёплыми, сытными запахами. Послышался глухой грохот, дверь распахнулась настежь, как будто от удара. Выбежал на улицу человек в пиджаке нараспашку, с шарфом на шее. Поскользнулся на снегу, едва удержался на ногах, дико глянул по сторонам.

Жебрак благоразумно отступил в тень. Забудыга был в том счастливом состоянии, когда хмель ещё не отяжеляет

ноги, не угнетает мозг, а только придаёт задора сердцу да твёрдости кулакам. От человека исходила опасность. Был он взъерошен, что-то горячо бормотал, размахивал кулаками. Не взглянув на отпрянувшего Жебрака, бросился вниз по переулку, оставляя чёрные следы на свежем снегу. Вскоре фигура исчезла за снежной пеленой. Жебрак побрёл к колоннаде у метро.

Проститутки не обратили на него никакого внимания, точно он был просто фонарный столб или же тумба, обклеенная старыми театральными афишами. Одна из проституток, статная и красивая, со сросшимися у переносицы бровями, не вызвала у Жебрака никакого интереса. Зато другая, белобрысая, ела шоколад, откусывая прямо от плитки. Жебрак сглотнул слюну и укрылся за квадратной колонной. Однако укрылся не сразу, а чуть помедлил, чтобы полицейский глаз запечатлел его образ. Наука приживания на новых местах довольно сложна, требует постепенности. Для того чтобы прижиться здесь, Жебраку следовало сперва примелькаться.

Постояв минут пять за колонной, решил, что на первый раз довольно, и отступил к переходу. Дождался зелёного света, поковылял через дорогу. Нарядная толпа валила мимо театра, обтекая его, устремляясь вниз по Земляному валу. Там места были бесплодные, скудные на добычу. Жебрак это знал, а потому повернул налево, снова оказался в том самом переулочке, откуда вышел несколько минут назад. Постоял, опершись на палку. Позади послышалось пыхтение. Горба-

тая, нагруженная тень выступила из снежной пелены. Жебрак привычно склонился, голос его зазвучал сам собою, почти без его участия:

– Если не трудно, одолжи сколь-нибудь. В кредит. До Омска доехать.

– Прочь! Лихо одноглазое! – хрипло, с усилием выдохнула горбатая тень и, пошатываясь, проковыляла мимо. Следом проплыло в холодном воздухе приятное, свежее облачко алкоголя. Когда-то Жебрак любил перед семейным праздничным обедом выпить рюмку-другую.

Тень внезапно приостановилась в двух шагах от него, сбросила горб с плеч. Жебрак переместил вес тела на опорную ногу и на посох. Приготовился вмиг оттолкнуться, сорваться с места. Только теперь разглядел в прохожем того самого весёлого, озорного гуляку, который намеренно выскочил из железной двери.

– Глаз где потерял? – с весёлой злостью произнёс забулдыга. – За долги выкололи? Гвоздём?

– Можно и так сказать. – Жебрак чуть перебрал ногами, отодвигаясь на безопасное расстояние.

«Тип нервный, беспокойный, противоречивый. Драчливый холерик. Вспыльчивый, обидчивый, агрессивный, импульсивный, возбудимый, резкий».

– Да ты не трусь, брат, – заметил его движение вихрастый молодец. – Не трусь. Деньги, они как бабы. Боязливых не любят.

Склонился над сумой, передёрнул молнию, запустил внутрь руку.

– Я бедных не бью, – заверил молодец и выпрямился. – Я бью только подлецов. Запомни это, брат. Русские лежачих не бьют. Тем более одноглазых.

Жебрак на собственном горьком опыте не раз убеждался, что поговорка эта врёт, что бьют и лежачих, и одноглазых. Но сейчас верно чуял, что бить не будут. Вихрастый ногтем подковыривал упаковку, пытаясь сорвать банковскую ленту. Палец его соскользнул, пачка упала в снег.

– Пр-роклый чёрт! И здесь подвох учинил, мерзавец!

Жебрак с вяло трепыхающимся сердцем наблюдал за действиями незнакомца. Тот поднял деньги, сунул в ладонь Жебрака. Вложил в помертвелую руку. Всю эту плотную пачку с налипшим на неё свежим снежком. Жебраку стало так страшно, что ладонь не пожелала сжиматься. Незнакомец помог, стиснул обеими руками растопыренные пальцы Жебрака, заставил их сомкнуться вокруг денег. Подмигнул.

– Держи, горемыка. До Омска хватит. А то и до самого Томска...

«Если теперь бежать, то догонят и загрызут, – застучали в голове у Жебрака мёрзлые комья мыслей. – От собак бежать нельзя, иначе набросятся сзади и опрокинут...»

Жебрак стоял, как соляной столб, не чуя под собою ног, сжимал страшную, немыслимую сумму. Его поташнивало от страха. Он с большим-большим трудом воспринимал всё

то, что стало происходить дальше. А происходило нечто ди-ковинное, невероятное, невообразимое. Незнакомец склонился над сумой, застегнул молнию. Переступил, повёл плечом, приноровляясь, готовясь поднять тяжёлую ношу. Однако вдруг передумал.

– В кредит, говоришь? – Голос звучал трезво, серьёзно. – Почему нет? Я тебе доверяю. Бери всё. Два пуда! Но оставайся человеком. Это главное моё условие. Я об заклад бился, руку дал на отсечение. Вот эту самую руку.

Жебрак покосился на выставленную перед его лицом растопыренную пятерню.

– Всё бери, бедняк, – сверкая глазами, бормотал вихрастый. – А проклятому скомороху я сейчас скулы перемножу. Прямо вот сейчас.

Безумец повернулся, продолжая бормотать и высоко поднимая сжатую в кулак руку, которую «отдал на отсечение», в три шага оказался у кирпичной стены, повернул за угол, исчез из виду, точно его и не было на этом свете.

Несмотря на невероятность произошедшего, на полную его невозможность, то, что случилось – случилось! Жебрак подхватил неожиданное богатство, вскинул тяжкий груз на плечо, поспешно поковылял прочь. Во всём произошедшем слишком явственно пахло тюрьмою, криминалом. Без сомнения, где-то недалеко ещё дымилась чья-то кровь, не успевшая свернуться. Жорж Жебрак, содрогаясь от ужаса, прибавил прыти, унося ноги подальше от места преступления.

ния. Пробежав трусцой десяток шагов, свернул, протиснулся в щель между строительным забором и стеною. Снова повернул за угол, юркнул в подворотню, спустился по ледяным ступенькам в глухой проулок. Уже почти обогнул мусорные баки...

– Стоять, гад! – раздался звонкий голос. – Полиция!
Было всего лишь около десяти часов вечера.

Глава 6. Есть ли жизнь за гробом

1

Было около десяти часов. Человек дремал в кресле у погасшего камина. Угли уже не источали никакого света, но из-под тёмного пепла несло сильным сухим жаром. Говорят, таково свойство адского огня.

Снег, валивший весь день, к ночи прекратился. Полная луна сияла в высоких стрельчатых окнах, заливая мёртвым светом огромную залу. Светлые сумерки наполняли пространство. Внезапно из дальнего угла послышался угрожающий змеиный шип. Человек вздрогнул, пошевелился. И едва обозначил своё присутствие здесь, как тотчас всё пришло в движение. Жёсткие складки парчового халата сдвинулись со своих мест, пролегли по-новому, точно горные цепи и хребты. Бокал в руке вспыхнул живой рубиновой искрой. Пространство мгновенно выстроилось, сосредоточилось вокруг человека. Одухотворилась, наполнилась смыслом окружающая бесконечная вселенная, как будто обрела координаты и точку опоры, отыскав центр.

И сам очнувшийся от сладкой дрёмы Рудольф Меджидович Джива в уютном стёганом халате, и вся обстановка вокруг вызвали впечатления самые отрадные. Вот оно, дра-

гоценное счастье земное! Плод разумной, расчётливой жизни. Угасающее тепло камина, долгий зимний вечер, стакан терпкого портвейна. Взгляд, конечно, исключительно мещанский, но ведь и мещанские взгляды не лишены поэтического очарования. Небольшая примесь пошлости иногда необходима для того, чтобы яснее проявились черты истинно прекрасного.

Змеиный шип прекратился, в углу щёлкнуло, проскворчало, а затем напольные старинные часы торжественно ударили сдвоенным звоном – динн-донн... Звон был негромкий, но проникал всюду, слышался во всех закоулках особняка. Как будто где-то неподалёку в тихой лесной обители звонили ко всенощной службе. Иногда Рудольфу Меджидовичу казалось, что звон выплывает из картины Левитана «Над вечным покоем». Картина висела рядом с часами.

Джива вскочил. Пружинисто прошёлся по скрипучему паркету, подрагивая коленками, постукивая бронзовыми подковками. Стремительный, худой, в ковбойских сапожках из тиснёной козловой кожи, в парчовом халате, узко перетянута в талии, он выглядел весьма и весьма экзотично.

Остановился у зеркала в золочёной раме, поставил бокал на мраморную полку. Поднял голову и серьёзно, с уважением поглядел на своё отражение. Мигнули красные, воспалённые веки, напрочь лишённые ресниц. Узколиций, костистый, горбоносый, со смуглой кожей, туго обтягивающей залысины, с сетью тончайших морщинок вокруг чуть выпук-

лых, умных глаз, он был похож на индейца. Злой, умный, беспощадный. Да, именно так. Внешность Дживы была не обманчива.

Звуки мягко отражались от стен, накладывались друг на друга, мрели в дрожащем хрустале гигантской люстры, уплывали сквозь анфиладу дверей в глубину комнат. Джива Рудольф Меджидович проводил уплывающий звук, указал пальцем направление, прошёл по оглушительно заскрипевшему паркету к высоким двустворчатым дверям. Щёлкнул выключателем, и вся просторная зала озарилась, заблистала янтарным электрическим огнём. Луна немедленно стушевалась, погасла, стёкла в стрельчатых окнах сделались непрозрачно-чёрными.

Теперь надлежало заняться остывшим очагом. Джива пододвинул к камину два кресла, подкатил овальный столик, уставленный бутылками, рюмками, фужерами. Отступил на два шага, оглядел диспозицию прищуренным глазом. Чуть-чуть отодвинул одно из кресел, изменил угол. Как будто это имело какое-то значение!

Затем опустился на корточки у очага, соорудил шалашик из щепок над еле тлеющими углями. Живая искра засветилась на чёрном изломе, стала разрастаться, перекинулась на сухую щепу. Вспыхнул и ожил огонёк, сперва робкий, слабый, беспомощный, но с каждым мгновением всё цепче впи- вающийся в смолистую сосновую стружку, перепрыгивающий на следующую. И вот уже заплясал, затрещал рыжий,

уверенный, жаркий, пожирающий всё, что попадалось на его пути. Джива принялся обкладывать поленьями гудящее пламя.

Все звери с ужасом глядят на огонь. Все звери, кроме человека. Человек же хуже скота, гораздо хуже, гаже. Пока Рудольф Меджидович, размышляя таким образом, усаживался в своё кресло, дверь отворилась. Кто-то с клёкотом и сопением попытался пролезть вовнутрь. Джива повернул голову, на лице его изобразилась презрительная усмешка.

2

Входящий оказался человеком совсем ещё нестарым, лет около тридцати. Холёное лицо с розовыми брылами тщательно выбрито, маленькие глазки глядели настороженно. Короткий нос с вывернутыми наружу ноздрями напоминал пятачок. Пятачок подвигался, тревожно понюхал воздух.

Человек пролезал в узкую створку трудно, по частям уминая себя. Узкие плечи прошли сразу, без затруднения. Затем ему при помощи рук удалось в два-три приёма пропихнуть колыхающийся, мягкий живот. После этого, совершив некоторую замедленную ламбаду, высвободил из дверного проёма толстый зад и оказался весь по эту сторону пространства.

«Поистине хуже скота», – ещё раз с удовольствием подумал поджарый Джива. Вежливо приподнялся, взмахом ладони приветствовал гостя. Гостем был Ордынцев Семён Семё-

нович, глава района.

Войдя в залу, Ордынцев беспокойно огляделся. Джива указал на камин. Затрещал паркет под ногами Ордынцева. Тяжко дыша, отпыхиваясь, отфукиваясь и отдуваясь, гость добрался до кресла. Повернулся толстым задом, взялся обеими руками за дубовые подлокотники, опустил распухшее тело на сиденье. Отвалился и шумно, с облегчением выдохнул, точно свалил с плеч куль муки.

Джива же нарочно подскочил, прошёлся туда-обратно, энергично цокая каблучками, пружиня на своих эластичных ногах. Ему приятно было лишний раз убедиться в своём полном превосходстве над всем прочим одряхлевшим, дебелим человечеством.

– Это что же творится на свете, а? Пых-пых... Парадокс! Ф-фух... – заклокотал Ордынцев, присюсюкивая, округляя небольшие свои глазки. – Я когда узнал, чуть с кресел не слетел.

– Ничего не поделаешь, Сёма, – весело сказал Джива. – У меня первая реакция была такая же. Надо подчиниться. У них всё построено на парадоксе.

– Чем я им плох-то был? – Ордынцев принялся промакивать платком вспотевшее лицо. – Зачем они этого дурака выбрали? Смотрины какие-то устраивают.

– В Доме союзов будут не смотрины. Готовый показ. Приглашены наблюдатели из сорока посольств.

– То есть решение окончательное?

– Несомненно! В этом человеке есть что-то, чего нет у нас, – сказал Джива. – Что-то нужное им. Что-то подлинное. Настоящее. Возможно, он им необходим для некоего дьявольского ритуала.

– Мистический обряд? – Ордынцев колыхнулся животом. – Вроде чёрного петуха? Зарезать в полночь на перекрёстке?

– Иных объяснений нет, – сказал Джива и принялся расхаживать взад-вперёд. Колени его подрагивали, паркет поскрипывал.

– Средневековье! – проворчал Ордынцев после долгого молчания. – Серьёзные люди, а занимаются мистикой! Неспроста это! А вдруг и вправду есть жизнь за гробом? Что тогда, Рудольф?

– И думать забудь, Семён! Сама эта мысль деморализует человека. Нет за гробом никакой жизни! Умрёшь – сам убедишься.

– А если умрёшь, а там жизнь!

– Есть там жизнь, нет ли, а земные дела надо приводить в порядок. Перед тем как сдать. Вот и приводи. Прощай!

Ордынцев тяжело поднялся, стал перетаптываться, как рассидевшаяся курица, клуха, когда её сгоняют с места.

3

Проводив Ордынцева, Джива пошёл через гостиную, ми-

мо бронзового зеркала, мимо часов, мимо «Вечного покоя» к дверям своего кабинета. Стрелял и трещал паркет под его ногами. Другой хозяин, пожалуй, перестелил бы. Но не Джива. Ведь если, предположим, сюда явятся среди ночи недруги и захотят зарезать сонного, то не выйдет.

Рудольф Меджидович спустился в подполье, щёлкнул выключателем. Яркий свет затопил помещение. Джива отпер стеной шкаф. Полосатая сумка, набитая деньгами, была на месте. Но что-то «кольнуло» его при взгляде на суму. Так потом напишет он в объяснительной записке. Это неправда. Конечно же, никакая тень тревоги не омрачала его сердца, когда он сунул в суму руку. Ему захотелось просто погладить деньги. Ведь так приятно даже и обеспеченному всем необходимым человеку осязать пальцами шершавость новеньких банкнот. Джива коснулся пачки денег подушечками пальцев и... шершавости не ощутил! И верхняя, и нижняя банкноты в тугой пачке были абсолютно гладкими. Это были фальшивые деньги. Значит, Шлягер унёс настоящие!

А это означало, что вот уже несколько часов эти настоящие деньги без всякой защиты и охраны мыкаются в мире, где полно алчных, хищных, беспринципных сволочей! С самого начала всё пошло-покатилось не так! Джива скорым шагом поднимался по лестнице, спотыкался, спешил. Набирал на ходу номер Шлягера.

Глава 7. Всё под контролем

1

Когда Бубенцов, продрогший, протрезвевший после прогулки по морозной улице, снова показался в дверях – никто и на этот раз не повернулся, не взглянул в его сторону. Как будто и теперь ничего выдающегося не произошло! Никому не было никакого дела до того, что он вернулся налегке, сбросил с плеч докучливый груз.

Место Шлягера пустовало. Бермудес же и Поросюк только что выпили по рюмке, жизнерадостно жевали, чавкали, умащивали губы жирным тамбовским окороком. Подойдя вплотную к столу, Бубенцов обнаружил врага. Адольф Шлягер, похожий на окоченевший труп, полулежал на сиденье. Голова запрокинута, длинные руки свешивались почти до полу. Голая шея, вся в куриных пупырышках, выглядела совсем беззащитной. Труп внезапно всхрипнул, дёрнул острым кадыком, посучил ногами. Бубенцов отметил, что из-под шутовского макинтоша теперь выглядывают тёмно-зелёные штанины с красными генеральскими лампасами и стоптанными грязноватыми штрипками.

– Друг-то твой, – кивнул Бермудес, – совсем с копыт скоровился.

Ерошка перешагнул через нагло вытянутые ботинки Шлягера, опустился на стул.

– Сволочь. Подозреваю, наркоман. Как бы не вляпаться с ним в историю.

– Сумка-то, будем говорить, где? – спросил Поросяк.

– И это есть, по утверждению древних, царь природы! – горько сказал Бубенцов, разглядывая ступни Шлягера, обутые в кирзовые копыта. – Штаны генеральские напялил! Лампасы! На волчьи свои лапы. Подлец!

Ерошка Бубенцов налил рюмку и, запрокинув голову, выпил.

– Я как-то с двумя наркоманами сцепился в подъезде, – сказал он, отдышавшись. – Хуже нет, чем пьяный наркоман.

– Закодированные хуже. Злобнее, – возразил Тарас Поросяк. – Я однажды схватился в метро с одним, будем говорить, закодированным. Злой был, что бес. Первый на меня накинулся. Молча дрался, как штрафник.

– Ты бы закусывал, Ерошка, – озабоченно сказал Бермудес. – Сто выпил, сто закуси. Народная мудрость.

– Всё под контролем.

– Гляди, брат, – с сомнением покачал головою Бермудес. – Ты и на свадьбе у Понышева так же говорил. Этими же точно словами. А потом посуды набил на полторы тысячи.

– На свадьбах принято драться. А во-вторых, я за шафера вступился. Когда на того семеро навалились. Несправедли-

во!

– Ну и дурак! – сказал Тарас. – Справедливо, несправедливо – твоё какое дело?

– Моё какое дело? Семь на одного! Ты-то не полез, умник!

– Их же семь было! – огрызнулся Поросюк. – Вам с шафером двоим и навалили. Я потому и не лез, чтобы третьим дураком не быть.

– Главное, милочка, предварительный настрой, – поспешил перебить назревающую ссору Бермудес. – Скандал и драка возникают от предварительного настроя.

Бермудес чувствовал лёгкие угрызения совести. Он, как и Поросюк, тоже не поддержал тогда Бубенцова.

– В каком направлении начнёшь пьянку, в таком же и закончишь, – согласился Поросюк. – Не надо переть на рожон. Справедливо, несправедливо...

– Настрой, – внушительно повторил Бермудес. – Алкоголь только усугубляет предварительный настрой. Поэтому я, например, всегда с самого начала настраиваю себя на мирный лад. Вот и ты, Бубен, старайся настроить себя на мирный лад. И не будет никакой драки, поверь мне.

Некоторое время сидели в молчании, прислушиваясь к трагическому рыданию скрипок.

– Я, кажется, начинаю понимать, – Бубенцов кивнул на спящего Шлягера. – Газетку гадёныш не зря принёс, на виду положил. Про ограбление-то. Заранее заготовил. Похоже на то, что нас разыгрывают.

– Может, шоу? – предположил Бермудес. – Обрати внимание, вон там, в углу, поблескивает? Не исключено, везде тут телекамеры расставлены.

Поросюк прищурился, завертел головой.

– Не нравится мне всё это! – Бубенцов со злобою покосился на Шлягера. – Эта сволочь сразу не глянулась.

– Ты бы сумку вернул ему, – сказал Поросюк. – С него же спросят, куда дел реквизит. Хоть, будем говорить, и алкоголь, а жалко его.

– Сумки нет! Я бомжа встретил. – Бубенцов оживился, повеселел. – «Дай, – говорит, – в кредит сколько-нибудь до Омска!» «На, – говорю. – Бери!» Эффектно получилось. Как он стрелача-то дал с миллионами бутафорскими!..

Ухо Шлягера наострилось, тонко затрепетало. Во сне всхрапнул, дрыгнул ногой в кирзовом ботинке.

– Сволочь, – отреагировал Бубенцов. – Ненавижу пьяных скотов. Давил бы...

Скрипки смолкли, музыканты объявили перерыв, стали складывать инструмент. И тут где-то далеко ударили литавры, глухо зарокотал барабан, тревожно заголосила труба. Все разговоры враз стихли. Друзья стали оглядываться в некотором смятении. Звуки доносились как будто из-под земли. То у мёртвого Шлягера ожил мобильный телефон. Гремел рингтон масонского марша «Вихри враждебные веют над нами...».

Шлягер пробудился, встряхнулся. Поглядел острым глаз-

ком на Бубенцова, потянул одним пальцем за колечко телефон из нагрудного кармана, прижал ухом к плечу.

– Алё? – пьяно кривляясь, крикнул он. – Говорите! Кто на проводе?

И тотчас осёкся, услышав ответ. Видно, страшен был голос далёкого собеседника.

2

Лицо Шлягера стало быстро застывать. Впалые щёки втянулись ещё больше, приобрели мертвенный оттенок, точно на них легла серая мраморная пыль. Телефон вырвался из ослабевших пальцев, прыгнул на пол, завертелся юлой. Что-то всхлипнуло, лопнуло внутри Шлягера, он сорвался со стула, заламывая руки, подлетел к Бубенцову.

– Где бомж? – проверещал Шлягер. – Которому вы деньги... Догнать! Немедля!..

– Где бомж? – Ерошка подхватился с места, схватил Шлягера за лацканы макинтоша, встряхнул. – Я тебе покажу. Гнус!

Шлягер выл, бился в руках Ерофея, пытаясь освободить пережатое горло.

– Я покажу, где бомж! – кричал Бубенцов, волоча извивающегося врага в фойе.

В вестибюле настигли их Поросяк и Бермудес, встали между противниками.

– Это были настоящие деньги! – взвизгнул Шлягер, вы-
свободив наконец воротник из пальцев Бубенцова. – Под-
линные! Дурак!..

– Подлинные! – оскалился Ерошка. – Получи, гад!

Хотел было привычно придержать левой рукою за нагруд-
ный карман, чтобы справа... Но никакого кармана не оказа-
лось на макинтоше Шлягера. Не за что ухватить супостата.
Только скользнули пальцы Ерошки по мерзкой чёртовой ко-
же.

Бермудес, знающий характер Бубенцова, был начеку. Пе-
рехватил кулак на лету. Другой рукою стал отталкивать, от-
теснять Шлягера. Ерошка вывернулся, лягнул врага под ко-
ленку. Поросюк не смог удержаться от искушения и тоже
врезал сзади Шлягеру по уху. Белая мраморная пыль посы-
палась со щёк Шлягера. Шлягер оцепенел, застыл на месте,
глядя куда-то вдаль через плечо Поросюка.

– Ва-ва! – кричал он, указывая пальцем на входную
дверь. – Ва-ва-вак!..

Все обернулись. За стеклом в свете уличного фонаря мед-
ленно плыла заветная полосатая сума, набитая хрустящими
купюрами. Приостановилась, как бы дразня, а затем стала
удаляться. Светлое серое пятно всё дальше уходило в глуби-
ны.

Шлягер бежал к дверям по мрамору вестибюля, тяжело
гремя ботинками, повизгивая от ужаса. Бежал, не догады-
ваясь опустить руку, указывая по-прежнему направление.

И трое друзей, увлекаемые порывом, бежали вслед за ним. Сердца их колотились в древнем азарте погони.

Макар Карлович Шпрух расставил руки, встал у них на пути, думая, что это мошенники, которые не хотят платить за ужин. Но только охнул, отвалился к стене. Слетела с головы, покатилась форменная фуражка с алым околышем.

Бегущие, потолкавшись в дверях, вывалились на улицу. Заветная сума уплывала по переходу, белела метрах в тридцати. Заслышав хлопок двери и топот, бомж, даже не оглянувшись, рванул, поскакал прочь крупной рысью. Преследователи настигли сумку только на той стороне улицы.

– Отдай деньги! – прокричал Шлягер, накидываясь сзади, заваливая бродягу на асфальт. – Ворюга!

Поросюк рвал сумку из клешней бомжа. Беда в том, что точно с такою же силой тащил на себя сумку и Бермудес, но с противоположной стороны. Бубенцов топтался рядом в нерешительности, потому что ясно видел – бомж не тот! Этот был двуглазый. И оба глаза выпучивались от ужаса и напряжения. Сумки, конечно, были весьма схожи. Да что ж за невидаль, таких полосатых объёмистых сумок много есть на белом свете. Пойди хоть на Павелецкий вокзал, хоть на Таганский рынок – везде в глазах рябит от этих сумок.

Бомж, ошеломлённый нападением, очень скоро пришёл в себя. Жизнь в хищном мегаполисе, полная опасностей и скорбей, вырабатывает у людей соответствующие реакции. Ухватился за вырванную уже из рук суму, вцепился смерт-

ной хваткой. Клацал зубами, рычал, плевался, брыкался. В сумке находилось всё его последнее, насущное, жизненно необходимое. Тёплое одеяло, без которого холодная смерть на ночном морозе. Два надкушенных чебурека, без которых голодная смерть. Недопитая чекушка, без которой – смерть психологическая.

Схватка продолжалась, бестолковая, гадкая, зазорная. Несколько зевак залюбовались скандалом. Обступили дерущихся полукругом, поощряя, подавая реплики. Полицейский свисток прорезал пыхтение схватки. Дерущихся разняли, надавав болезненных тумачков, сбив дыхание. А затем повели гуськом, друг за дружкой, заломив руки за спину, низко пригнув к земле.

На тротуаре успела уже скопиться довольно большая толпа. Стояли тут же две молодые проститутки, выделяясь из толпы резкой своей красотой. Макар Карлович Шпрух, криво поплёвывая на снег кровавой липкой слюной, озабоченно щупая распухающую щёку, стоял у входной двери ресторана. Когда проводили мимо Бубенцова, Макар Карлович попытался пнуть его, но не дотянулся.

– Ноги короткие, – пошутил кто-то в толпе, но никто не засмеялся.

Задержанных погрузили в чёрный «воронок», стали закрывать железную дверцу с решёткою на окне. Но выскочил в последний миг из «воронка» Поросяк. Вырвался на свободу сквозь тесную щель. Спотыкаясь, похрюкивая от страха,

успел отбежать на несколько шагов.

– Рыбоедов, держи его!..

Беглец споткнулся, охнул. Огромный сержант Рыбоедов в три шага настиг Поросюка, огрел дубинкой по спине. Маленького, упавшего на четвереньки.

– Стоять, ёпт!

Поросюк завизжал пронзительно, жалобно, отчаянно...

– Ты что же творишь, бык?! – вскинулся хмельной забулдыга.

Вырвался из «воронка», буйный, светловолосый, вихрастый. На глазах у десятков свидетелей совершил страшный поступок – широко размахнулся и врезал полицейскому Рыбоедову кулаком по скуле.

Глава 8. Абсолютное алиби

1

Время близилось к полуночи.

Отворились железные двери, ударил в лицо казённый дух полицейского помещения. Задержанных втолкнули, провели и усадили на длинную деревянную скамью. Бомж поместился на дальнем конце. Покосился, отодвинулся ещё дальше, на самый край, крепко прижал суму к груди.

Насупротив, за стеклом, внутри освещённого отделения, точно в гигантском аквариуме, шевелилась жизнь. Посередине посверкивала шарами, переливалась фиолетовым дождём большая ёлка, конфискованная накануне у метро. В соседстве с ёлкой даже обыкновенные лампочки, помигивающие на служебном пульте дежурного, выглядели новогодними украшениями.

Рыбоедов нагнулся к полукруглому окошку.

– Оформи пассажиров, Муха, – сказал он.

Рыбоедов был человек спокойный, рассудительный и во все не злой. Занимал положенную ему нишу, исправно служил в полиции, выполняя несложные правила. Человек второго плана, самый массовый, самый распространённый и необходимый в общежитии тип. Точно так же служил бы и

на железной дороге, и в лесничестве, и в банде, подчиняясь установленным правилам, не претендуя на первые роли. Дежурный, разглядывавший в ту минуту чёрно-белое фото с фигурным обрезом, отодвинул снимок в сторону. Со стуком отложил лупу. Дознаватель Муха, в отличие от Рыбоедова, был злой, желчный и умный.

– Что там? – спросил он, поднимая узкое лицо и щуря глаза. – Фингал откуда?

– А вон тот меня. – Рыбоедов указал дубинкой на Бубенцова. – Плюс попытка ограбления. Сумку пытались выдрать у бомжа. Интеллигенты, ёпт.

– Это хорошо. Организованная группа. Что в сумке?

– Миллионы в сумке, ёпт! – озлился Рыбоедов. – Оформляй. Я в травмпункт пока сгоняю.

Рыбоедов, щупая заплывающий глаз, пошёл к выходу.

– Готовься, ёпт, – приостановился против Бубенцова. – Три года минимум. В Америке вообще бы пристрелили.

Дознаватель Муха оглядывал из-за стекла новоприбывших. Лицо Бубенцова показалось ему знакомым. Впрочем, после двадцати лет службы в полиции всякое лицо кажется знакомым. Промокнул платком лоб, склонился над столом и снова принялся через лупу разглядывать старинную фотографию с фигурным обрезом. Лицо его приняло то тупое, отчасти даже идиотическое выражение, которое бывает у всякого глубоко задумавшегося человека. Через пару минут Муха оторвался от дела, вышел к задержанным. Позвя-

кивая ключами, провёл всех троих в «обезьянник».

2

Расследование, которым занимался Виталий Петрович Муха, требовало особой сосредоточенности мыслей. Дознаватель вёл несколько разрозненных, не связанных между собой дел. Заметил вдруг, что в делах этих совпадают некоторые детали. Ничего конкретного ещё не нащупал. Но сквозь хаос и гул разобщённых фактов стал пробиваться временами как будто некий ритм, зарождаться робкая мелодия. Мелькал какой-то то ли Кокс, то ли Скокс... Муха наткнулся на следы, в которых можно было усмотреть признаки существования неведомой тоталитарной секты. Секта, судя по косвенным признакам, финансово связана со съёмочными павильонами в Красногорске. Бардак царил там страшный! Подозревалось, что средства отмываются немалые, однако добыть доказательства никак не удавалось. Именно из-за необыкновенного беспорядка, в котором всё тонуло, всё увязало, проваливалось, путалось, пропадало! Троекратно захватывали курьера с наличными, но в сумке всякий раз оказывалась киношная бутафория. Виталий Петрович лично допрашивал подозреваемого, в сердцах даже немного повредил ему пальцы на руке, но добиться признания не смог.

Сумка, сумка... Не зря ему чудились миллионы в каждой сумке. Дознаватель снова бросил взгляд на разомлевшего в

казённом тепле, дремавшего на лавке бомжа с сумкой. Тот как раз чесал бок под бушлатом. Муха поднялся, прихватил дубинку. Подойдя к скамейке, потыкал бомжа:

– Вон пошёл!

Дрёма мгновенно сменилась суетливой бодростью. Бомж снялся с насиженного места, подхватил полосатую суму и пропал. Муха протянул руку, чтобы прикрыть дверь поплотнее, но дверь перед его носом с шумом распахнулась. Снова показалась в проёме полосатая сума. Трое молодых, совсем ещё неопытных курсантов, мешая друг другу, вталкивали задержанного. Но теперь это был совсем другой бомж, с чёрной повязкой на бледном как смерть лице.

– Вон его! – приказал следователь. – Тащите всякую сволочь. Уважение к месту теряется!..

Курсанты молча принялись выпихивать бомжа обратно. Они проходили в отделении свою первую производственную практику, поэтому в их действиях не было ещё необходимой слаженности. Тащили за рукава в разные стороны, дёргали за ворот плаща. Сумка вывалилась из рук одноглазого. Муха брезгливо пнул суму ногой. Клешни Жебрака крепко сомкнулись вокруг лямок.

– В шею! – брезгливо командовал Муха. – Откуда вас только присылают таких...

– Стоять! – крикнул Бубенцов из-за решётки. – Это же он! Он!..

– Мой! Он мой!.. – извиваясь, протягивая меж прутьями

руки, пронзительно вторил Шлягер.

Никто не обернулся на залиvistый лай Бубенцова, на тоскливый вой Шлягера.

Одноглазого с его сумой пинками вытолкали на улицу.

Метался по клетке Адольф Шлягер, стenea от бессилия и отчаяния. Вопль Шлягера отдавался во всех закоулках. Возбуждалось, застучало, заголосило отделение на разные лады. Так бывает, говорят, и в психиатрических больницах, когда буйство одного пациента, вызывает целую лавину всеобщего мятежа.

Покончив с бродягой, полицейские ворвались в обезьянник. Бунт гасили беспощадно. Шлягеру и Бубенцову перебили дыхание.

– Не знаю их! – отрекался от друзей Поросяк, прыгал по камере, хватая карателей за руки. – Ведать не ведаю!

И за каждый предательский выкрик получал дубинкой по рёбрам. Бермудес же благоразумно сидел в самом углу, даже как будто дремал. Один из курсантов сунулся к нему, но не смог пересилить себя. Невозможно было ударить столь импозантного человека. Молча отступил.

Усмирив мятеж, полицейские покинули отделение. Муха некоторое время раздумывал, шумно дыша. Затем принялся избавляться от балласта. Выволок из клетки Поросяка, выпустил Бермудеса. Крепко взяв за шиворот извивающегося Шлягера, вытолкал за дверь. Вернулся. Зачем-то понюхал ладони, поморщился, тщательно вытер их платком.

– А ты сиди пока, – сказал беззлобно Бубенцову. – Думай, где деньги добыть. Большие деньги!

Дознаватель утнезвился в дежурном кресле, уткнулся в бумаги. Тишина и покой установились в опустевшем отделении. Уютно светились огоньки ёлки, переливались праздничные гирлянды.

Бубенцов прилёг на жёсткие доски, попытался задремать. Но задремать не удавалось. Хмель уже потерял весёлую силу, выветрился, угас, улетучился из крови. Поползли в голову унылые размышления. Душою стала овладевать тревога, с каждой минутой усиливаясь. Ерошка наконец-то стал осознавать, в какую малоприятную историю вляпался. И неизвестно, которая из историй страшнее. Дело, вероятно, уголовное, догадывался Ерошка. Нападение на полицейского. При исполнении.

Но почему-то росло в нём убеждение, что вторая-то история, история с пропавшей сумкой, для него гораздо опаснее. При всей глупости, несурзности в ней заключалась пугающая тайна.

Внезапно меж запахов табака, пота и алкоголя просочился весенний запах ландыша.

Дознаватель Муха поднял лицо от бумаг. В служебное окошко заглядывали две девицы. Одну из них знал очень хорошо. Это была известная проститутка Настя Жеребцова из Полоцка, работавшая в его владениях на Таганке. Настя бы-

ла весёлая, неунывающая девушка с маленькой, гибкой фигуркой, яркими глазами под русой чёлкой. Славное лицо золотело от веснушек. Напарница её, чернявая и пышногрудая, со сросшимися у переносицы бровями, приехала совсем недавно из Львова. Звали её, судя по документам, Горпина Габун.

– Привет, Виталий! – запросто сказала Настя.

– Обидел кто? – Муха весело кивнул в ответ.

– Кто ж нас обидит? Мы по делу. У тебя человек сидит, – сказала Настя. – Вон тот, скорее всего. Вихрастый. Просили отпустить.

Муха, прищурившись, недоверчиво изучал лицо Насти, затем перевёл взгляд на лицо Горпины.

– Убедительно настаивали, – со значением повторила Настя.

Улыбка сошла с губ дознавателя. Он догадливо встал с кресла, вышел из дежурного помещения. Жеребцова сунула в нагрудный карман Мухи сложенные купюры. Движение руки продолжалось всего лишь полсекунды. Но опытный дознаватель безошибочно определил, что в перегнутой пополам пачечке ровно десять сотенных.

– За него люди подписались, – пояснила Настя. – Штука здесь.

– За придурка? – удивился Муха. – Да он же Рыбоедова ударил. При исполнении. В травмпункте фиксирует.

– Вот тебе шоколадку, – сказала Настя. – Придумай что-

нибудь.

– А голова на что?! – сказал Муха и ударил себя ладонью по загривку. – Будем думать.

Девушки удалились. Муха развернул шуршащую обёртку, большими кусками стал отламывать и пожирать шоколад, не чувствуя вкуса. Надо было правильно, тонко решить сложную дилемму. И отпустить преступника, и придумать отмазку для Рыбоедова. Между тем что-то отвлекало, сбивало с мысли, не давало сосредоточиться. То звонил и звонил дежурный телефон.

Мысль дознавателя двоилась. Конечно, Бубенцова он отпустит. Тут без вариантов. За тысячу-то. Серьёзные, видать, люди. Взял – сделай. Но как отпустить? «Рыбоедову, если что, три сотни».

Телефон звонил и звонил.

«Да кто ж это назойливый такой?!»

Снял трубку.

«Или две? Начать с одной, а потом торговаться. Три сотни максимум. Хорошо бы ни копейки не давать. Сам виноват: зачем подставился?»

– Слушаю. Отделение. Дежурный.

Муха не тотчас вник в смысл слов, которые посыпались из трубки. Несколько раз пытался переспросить, уточнить, но никак невозможно было вклиниться в бурный поток. Дослушав взволнованную, сбивчивую речь, Виталий Петрович некоторое время держал трубку на весу. Брови его высоко

поднялись и довольно долго оставались в таком положении. Трубка издавала короткие гудки.

Муха постепенно осваивался с новостью. Новость состояла в том, что сержанта Рыбоедова больше нет. Новость трагичная, но вместе с тем было в ней что-то и весьма приятное для дознавателя. Не в том общем психологическом смысле, что всех нас тешит весть о чужой смерти, а в более приземлённом. Деньги! Деньги теперь полностью, без всяких оговорок принадлежали единолично дознавателю Мухе.

Дознаватель сидел, выстукивая пальцами бодрый маршик. В голове его сам собою зародился, зазвучал, стал многократно повторяться припев из позабытой старой песни: «Это нужно не мёртвым, это нужно живым...» Дознаватель думал о роке, который любит поиграть с человеком, как кот с мышью. А затем, когда прискучит игра, просто убить. Убить без всяких объяснений.

Рыбоедова зарезали при входе в травмпункт. На ступеньках у входной двери. Убийц задержать не удалось. Один был длинноволосый, в кепке, с наколкой «Рома» на пальцах. Другой похож на заводского рабочего. Рабочий и зарезал. Споро, умело, как жертвенного барана. Скрылись на чёрном джипе без номеров.

Кому выгодно? Тот, кому выгодно, сидел напротив дознавателя в железной клетке. Абсолютное, стопроцентное алиби.

Муха вытащил из пачечки зелёную бумажку, разглядел её

на свет, понюхал, перетёр подушечками пальцев. Бумажка пахла замечательно и была на ощупь самой натуральной. Он разволновался. Вытащил из сейфа початую бутылку, хлебнул коньяку прямо из горлышка. Закашлялся и пошёл отпирать камеру.

– Бубенцов! – сказал дознаватель. – Свободен.

Ерошка встрепенулся, пошарил руками возле себя, не забыл ли чего.

– Ступай, – сказал Виталий Петрович. – И помни мою доброту!

Подумал, прошёлся взад-вперёд по отделению. Хлебнул ещё коньяку. Отпер камеру, в которой сидели два таджика:

– Эй, золотая орда! На выход! Помни мою доброту!

Затем, позванивая связкой ключей, двинулся в самый дальний, сумеречный, угол. Здесь томился маленький злой ассириец, хозяин сапожного киоска у Казанского вокзала. Его ещё утром привёл покойный Рыбоедов и выдерживал с целью увеличить размер дани. Этот бесхозный теперь арестант был Мухе неинтересен.

– Свободен! Помни мою доброту!

В ответ тот зашипел, ухмыльнулся длинным ртом и пропал за дверью.

Глава 9. Бубновый король

1

Снегопад к ночи утих. На город нахлынул студёный арктический воздух. Холод как будто изливался из чёрного космоса, перетекая через край звёздного ковша. Луна висела низко над крышами, сияла ярко, освещая опустевшие улицы. Морозная алмазная пыль переливалась в воздухе.

В большом сталинском доме близ Трёх вокзалов уютно желтело окно на третьем этаже. Дело происходило на обширной кухне квартиры профессора Афанасия Ивановича Покровского. Того самого профессора Покровского, что впоследствии совершенно тронулся умом. Одну из комнат снимали девицы – Настя Жеребцова из Полоцка и совсем недавно приставшая к ней Горпина Габун из Львова. Профессор Афанасий Иванович ещё в девяностых совершенно обнищал и потому вынужден был сдавать постояльцам часть своей семикомнатной квартиры.

В то самое время, когда девицы пропускали Бубенцова в сумрачную прихожую, из дальней комнаты слышался бой часов. И сейчас же Бубенцов ударился коленом об угол сундука. Угол этот, несмотря на предупреждение хозяек, не разглядел в полумраке. Боль от ушиба и звон часов,

хотя и разные субстанции, каким-то таинственным образом смешались и переплелись. А когда отзвенел в ночи последний, третий, удар часов, острая боль точно так же стала затухать, таять в унисон с затухающим, тающим, улетающим неведомо куда звоном. Пока Бубенцов ёжился и оглаживал ушиб, какая-то из девиц щёлкнула выключателем. Высоко под потолком зажглась слабая лампочка, осветила громоздкий ларь, окованный медными полосами. Между ларём и стеною устроена была узенькая лежанка, которую Бубенцов впотьмах не сразу-то и разглядел. Там что-то заворчал, зашевелилось внутри неопрятной горы тряпья. Жалобно застонали басы пружин. Вслед за тем гора рассыпалась, выставился горбатый нос, с шумом потянул воздух. Бубенцов был почти уверен, что сейчас последуют обычные в таких случаях слова: «Фу-фу, русским духом пахнет!»

На самом же деле в квартире пахло больницей – эфиром, карболкой, корвалолом.

– Это Зора. Профессорская тёща. Давно ничего не понимает, – не стесняясь присутствия старухи, сказала Настя. – Сама не помнит, кто она.

Старуха покачивалась на пружинах, мерно кивала седой головой и молчала. Она и в самом деле находилась далеко отсюда. Высохшая до пергаментного совершенства, давно потерявшая память, свободно блуждала по живописным развалинам времени. Привычные натоптанные тропы уводили её в прошлое. На узких дорожках раскланивалась она с призра-

ками минувшего. Забрела иногда, если уж быть до конца откровенным, даже и в далёкое, не сбывшееся ещё будущее, пугая тамошних обитателей.

Спустя десять минут Бубенцов хлопотал на кухне, нарезая закуску. На подоконнике мерцала фосфорным глазком радиола «Эстония». Невнятно бормотала, потрескивала, струилась под сурдинку далёкая музыка. На столе в круге света от свисающего с потолка абажура стояли две тёмные бутылки вина массандра. Початая бутылка коньяка высилась в окружении рюмок и стаканчиков, прибавляя к обстановке ещё больше тепла и уюта.

Девицы, наскоро накрыв стол, теснились у раковины. Принагнувшись к небольшому зеркалу в кафельной стене, докрашивали губы.

– Так, говорите, одноглазый был? – в который раз переспросил Бубенцов.

– Как камбала! – весело сказала Настя, потряхнув гривкой.

– А на вид бомж?

– Бомж, пан Ярош, – подтвердила Горпина. – Одного вока немає.

– Как камбала! – повторила Настя понравившееся ей сравнение.

– Да-а, – сказал Ерошка. – Загадка! Всё сотенные, значит? И при этом одноглазый. Парадокс! А кстати, покажите купюры, глянуть...

– Нормальные купюры, – сказала Настя.

Ерошка понял, не покажут. Взял с этажерки растрёпанную колоду, рассеянно стал тасовать карты.

Разговор снова иссяк. Они ещё не успели толком познакомиться, не было общих тем. Тему же его чудесного выкупа и освобождения из плена исчерпали, обсудив по дороге несколько раз.

– Горпина. Редкое имя, – сказал Ерошка. – Аграфена по-нашему?

– Гарпия по-нашему, – низким, грудным голосом отвечала девушка. – У нас в Украине много таких.

– Не сомневаюсь. Гарпия в переводе с греческого – ведьма. Говорят, брови срастаются у ведьм. Гоголь, кажется, писал. Я имею в виду не то, что у тебя тоже брови срослись, – поспешил поправиться Ерошка. – Имеется в виду у красивых.

Опять повисло молчание.

Мысль о том, что деньги были настоящие, не давала покоя. Ныла занозой, мучила, томила, и никакой болтовнёй нельзя было заговорить тревогу. Налил чарку коньяку, махом выпил. Вытер губы, закусил ломтиком ветчины. Ветчина была розовая и мокрая. Это натолкнуло на кое-какие ассоциации. Бермудес учил, что при первом знакомстве с девушкой следует поразить её воображение чем-нибудь неординарным.

– А доводилось ли вам, девушки, – спросил Ерошка, –

пробовать человечесьё мясо?

– А то тебе доводилось? – усмехнулась Настя.

– Мне не доводилось, но друг ел. Другого своего друга.

– Не диво! Все друг дружку едят, – тотчас нашлась Настя.

– Я в натуральном смысле. На Севере дело было. Один ногу сломал, а тут буран. Зарылись в снег, сидят обнявшись. Мороз лютый. Неделя проходит. Еды нет. Что делать? На ноге гангрена. Этот думает, всё равно ноге пропадать. Выставит вот так вот из норы на мороз. На улице минус шестьдесят. Анестезия. Кусок заморозят, отпилят, сварят. Оба питались, а потом вертолёт. Вот так и выжили. Один, правда, частично. А друг его на шесть кило разжирел. Движения-то нет.

– С трудом верится, – усомнилась Настя. – А пилили чем?

– Этот опыт о чём говорит? – сказал Бубенцов, пропуская неудобный вопрос. – От человека не убывает, сколько ни отрезай. Личность остаётся. А вот если прибавить, то тут не знаю. Станет человек скотиной или не станет, если ему, предположим, дать много денег? У нас на эту тему спор был. С другом.

– Которого съели?

– Да нет. С другим другом. С Поросюком.

– Ну и что? Станет?

– Не знаю, – сказал Бубенцов. – Как проверишь? Денег-то нет. Тут только гадать можно. А ну-ка... – Ерошка бросил три карты на стол. – Дама, семёрка, туз. Двадцать одно!

– Давай-ка я! – Горпина Габун отняла колоду. – Сними.

Пальцы гадалки замелькали в воздухе, посыпались на стол чёрные и алые масти. Почему-то с одного боку густо ложились тузы, дамы, короли. Гарпия, сдвинув ещё суровее сросшиеся брови, поводила ладонями над рядами карт. Бубенцов глядел то на карты, то на нежные усики над её верхней губой.

– Круль бубен! – воскликнула Горпина, тыкая ногтем в грудь бубнового короля. – Слава и богатство.

– Меня с детства Бубен зовут, – вставил Ерошка.

– Вот видишь! Станешь богачом! – улыбнулась Настя. – Сбудутся мечты!

– А ну, ещё раз! – Горпина перетасовала колоду.

Ерошка, снисходительно усмехаясь, но уже и с некоторым волнением сдвинул карты. Настя привалилась грудью к плечу Бубенцова. Ерошка чувствовал на щеке её горячее, частое дыхание.

– Круль бубен! – звонко объявила Гарпия и подняла прекрасные ассирийские очи на Ерошку.

– Вот видишь! – воскликнула Настя, сияя рыжим от веснушек лицом.

– Чушь собачья! – ещё сильнее волнуясь, сказал Ерошка.

Гарпия перетасовала колоду. Снимая, он видел, что пальцы его дрожат. Встал, прошёл к окну.

И в третий раз настырным, злым голосом провозгласила Гарпия:

– Круль бубен!

Дрогнули стены дома.

– Воркутинский прибывает, – сказала Настя.

Тоненько задребезжали стаканы на столе. Бубенцов налил девушкам портвейна, себе коньяку.

– Ну, вздрогнем! Как говорил один мой знакомый. Будь он проклят! С наступающим Новым годом!

Со стороны Ярославского вокзала, куда вкатывался скорый из Воркуты, донеслась музыка. Но то был не «Встречный марш» и не «Прощание славянки». То была Пятая симфония Людвика ван Бехтовена. И рождалась она, как сейчас же выяснилось, вовсе не на Ярославском вокзале, а прямо вот здесь, на пыльном подоконнике. Из-за шторы подмигивала фосфорным глазком радиолы «Эстония».

– Ах, как кстати! – крикнул Бубенцов. – Прибавь, Анастасия! Громче! На полную... Пляши, Гарпия! Ра-татата!..

С Пятой симфонией связаны были у него кое-какие воспоминания детства.

2

Однажды в парке, наблюдая из-за чугунного заборчика за тем, как дети катаются на карусели, он почувствовал под ступней какое-то неудобство. Отступил, опустил глаза и увидел скомканный картонный стаканчик от мороженого. А рядом лежали круглые жёлтые часы с жёлтой же цепью. Бубенцов, оглядевшись, поднял их, прижал к уху. Часы были тяжёлые и тикали. Ерошка побежал прочь, зажимая в кулаке драгоцен-

ную находку. Знал, как нужно поступать в таких случаях. В милицию! Сердце его ликовало.

Но ещё больше возрадовался часам встреченный им на выходе из парка постовой милиционер.

– Ай, молодца! – восхитился милиционер, бережно заворачивая часы в носовой платок и пряча их в карман. – Мы обязательно найдём владельца. Ступай, мальчик...

– Моя фамилия Бубенцов, – сообщил Ерошка. – Я из 123-й школы-интерната. Один-два-три. Запишите.

Постовой записывать не стал. Заверил, что запомнить номер и фамилию ему не составит никакого труда. Потому что профессиональную память специально тренируют в милицейской школе. Бубенцов всё же для надёжности ещё раз повторил свою фамилию:

– Бубенцов! От слова «бубен». Меня все так дразнят.

Он знал, что фамилия в таких случаях необходима. Когда на доске объявлений повесят благодарность из милиции, там будет написана его фамилия. «Честный поступок юного пионера Ерофея Бубенцова». И многое простят Бубенцову строгий завуч и злая химичка. На утренней линейке, поставив Бубенцова перед строем, директор зачитает вслух заметку из газеты «Пионерская зорька».

Всю следующую неделю радость предстоящего праздника переполняла Ерофея. Самое трудное было теперь – дожидаться. Ерошка нетерпеливо подгонял время. Но дни шли за днями. И дни эти проходили напрасно. В конце концов Ерошка

не утерпел, решил посоветоваться. в субботу, отпросившись у воспитателя, поехал к отчиму, рассказал про золотые часы.

Отчим внимательно выслушал, потемнел лицом. Спросил, в каком точно месте стоял милиционер. Надел пиджак с медалями, плащ, шляпу и молча ушёл куда-то. Вернулся к вечеру хмурый, хмельной. Походил по дому, включил радиолу. Как раз передавали классическую музыку. Отчим не любил классику, но в этот раз включил звук на полную громкость. А затем молча и без всяких объяснений высек Бубенцова солдатским ремнём.

Пятая симфония Бетховена заглушила Ерошкины вопли. Справедливости ради следует отметить, что в ту пору, по малолетству своему, Бубенцов не мог ещё знать о невероятном могуществе человека. А ведь именно об этом могуществе рассказывается в знаменитой симфонии. Не знал Ерошка и того, что даже самый никчёмный из людей способен собственную жизнь сделать неподвластной для роковых сил. Всё это он, конечно, узнает, и даже испытает на собственной шкуре, но гораздо позднее. Когда приблизится конец и ясен станет финал драмы.

3

– Ра-а-а-тата-та-а!.. – подпевал Бубенцов. – Громче, Настя! На полную!

Настя пошла к подоконнику. И именно в тот миг, когда

все иные звуки мира покрыл водопад бравурного гимна, в дверь внезапно позвонили. Ни Бубенцов, ни его красивые девушки ничего не слышали.

Звонков было три. Два коротких, третий длинный. Седовласая Зора, глухо ворча, пошла отпирать. Сняла цепочку. В прихожую осторожно вступили трое азиатов. Два невысоких, третий длинный. Как будто материализовались звонки. Длинный абрек с маленькой бритой головой отстранил старуху. Зора попятилась, рухнула на диванчик. Взыграли рыдающими басами пружины. Бельмы старухи сверкнули из темноты молодо, ярко. Так с треском вдруг вспыхивает напоследок почти уже угасшая свеча. Вспыхивает на одно мгновение, выстрелив копотью, освещает на миг пространство вокруг, а после гаснет и смыкается вокруг крошечная темнота.

Трое вошедших замерли, прислушались. Один из них, низкорослый, сутулый, с руками ниже колен, походил немного на орангутанга. Со стороны кухни из-за бархатной портьеры, похожей на театральную кулису, пробивалась бравурная музыка. Орангутанг смерил глазами расстояние, перебрал ногами, затем разбежался, подсел и ударил пяткой в дверь. Музыка вырвалась наружу, взревела дико, страшно. Азиаты нырнули в поток, пропали в нём. Музыка оборвалась. Послышался грохот падающей посуды, звон стекла. Вслед за тем по квартире разнеслись женские визги.

Старуха Зора кивала седой головой. И не такое видала и

слыхала она на долгом своём веку. Поковыляла к двери, чтобы набросить цепочку на крючок. Но было уже поздно. Обнаружилось, что в прихожую проникли ещё трое. На этот раз белобрысые, хотя и той же хищной породы. Самым опасным показался старухе плюгавый в кепке. Глядел остро, зло, исподлобья. Длинными сальными волосами походил на батьку Махно. Тройкой командовал коренастый мужик в коже.

– Рома, заходишь слева, – тихо приказал коренастый.

Рома тряхнул длинными волосами, вытащил маузер из деревянной кобуры. Приложил ухо к портьеру, прислушался. Страшно темнела в сумерках чёрная дыра его приоткрытого рта. Третий, высоченный, как жердь, всё это время стоял посреди прихожей. Он так и не проронил ни единого слова. В баскетболе таких называют «столб».

– Кому отдал? – допытывался между тем кто-то из-за бархатной портьеры.

Рома усмехнулся, стволом сдвинул кепку на затылок.

– Опередили черти, – вполголоса сказал коренастый. Мягко передёрнул затвор ТТ и поднял руку. – Я их ещё в кабаке приметил. Шакальё.

Махнул рукой, и все трое нырнули за кулису.

Старуха сидела неподвижно, мерно кивала головой. То ли осуждала, то ли одобряла. Звуки, которые доносились из кухни, приобрели теперь совсем иной тон. Все кричали, гомонили, восклицали, гоготали одновременно. Радостно, взволнованно, как будто в разгар свадьбы прибыли опоз-

давшие гости со стороны жениха.

Старуха снова взялась за дверную цепочку, намереваясь набросить колечко на крючок, закрыть ящик Пандоры. Выглянула на всякий случай на лестницу, нет ли ещё гостей. Гости были. Они как раз гуськом поднимались по лестнице. В касках, бронежилетах и камуфляже.

Один из них отстранил старуху дулом автомата. Как будто отодвинул грязную занавеску. Двое остались караулить у дверей. Остальные побежали по коридору. Грохотали ботинками, как кованые волки. Разлетелись в стороны бархатные портьеры.

– На пол!

Свадебное веселье оборвалось. Опытные, битые азиаты легли лицами в пол, руки сцепили на затылках. Точно так же упали белобрысы, отшвырнув подальше оружие.

– Браво! – сказал Бубенцов.

Он стоял в разорванной на груди рубашке. Потное лицо багрово пылало. Тонкий ручеёк крови струился из рассечённой брови. Пшеничные волосы живописно растрепались, падали на лоб. Поджарый, вихрастый.

– Где деньги, гад? – деловито спросил дознаватель Муха, не повышая голоса.

– Бомжу отдал.

– Бомжу? Три миллиона? – иронически усмехнулся Муха и перевёл дуло автомата на Жеребцову.

– Он людей ел! – крикнула Настя. – На шесть кило раз-

жирел!

У Бубенцова от такой неслыханной подлости перехватило дыхание.

– Ногу другу резали-резали, пока не осталось ничего. Друга зарезал, – закладывала Жеребцова.

– Это образ! – крикнул Бубенцов. – Символ!

– Что за символ? – Муха направил автомат на Ерофея.

– Никакого друга не было! Я придумал историю. Вернее, Шлягер. Для знакомства. Чтоб девушек поразить. А символ в том, что человека не убывает! Сколько ни отрежь от него.

– Как так? – не понял Муха. – Режь человека, а от него не убывает?

– А вот так, – сказал Бубенцов, понимая заранее, что слова его пропадут все. – Очень просто. Я как-то задумался. Когда стригли в парикмахерской. Отрежь, предположим, от человека ногу, от него не убудет. Вы же вот ногти себе стрижёте.

– Ну? То ноготь, а то целая нога!

– Всё равно. От вас же не убывает. Суть останется. И руки отрежь, и ещё кое-что по мелочи. Уши, нос...

– Так-так-так... – Было видно, что Муха понял, заинтересовался.

– В том-то и дело. От умаления тела величина человека не меняется. Цельность сохраняется в полном объёме. Самость человека. Ну как вам ещё растолковать?

Присутствующие молчали, прислушивались.

– Согласен. Самость остаётся. – Муха оглянулся на лежащих и чиркнул себя указательным пальцем по шее. – А если вот так?

Все головы повернулись к Ерошке, ожидая ответа.

– Да, – подтвердил Ерошка. – Там мозг. Сердце тоже нельзя трогать. Ум и чувства. Без них человека нет.

– Верно мыслишь, – одобрил Муха. – Я так полагаю, ты под самостью подразумеваешь дар индивидуального бытия? Иными словами, если даже воссоздать твою точную копию, то она будет лишена самости? Так?

– Да, именно так! – ободрился Ерошка. – Самость существует в одном-единственном экземпляре. Во всей необъятной вселенной другой такой нет. Это как шедевр. Она неповторима. В этом её бесценность.

Нежно дрынькнул телефон в кармане у плюгавого, распластанного на полу.

– Ответь, Роман! – приказал Муха. – Всем тих-ха! А с тобой после договорим.

Рома завозился, перевернулся на бок, извлёк телефон. Мёртвая тишина воцарилась в комнате. И в этой тишине отчётливо проговорил металлический голос:

– Бомж. Обитает под платформой на Электрозаводской. Промышляет у Таганки. Жора. Одноглазый. Деньги у него!

Как только голос смолк, в следующую же секунду всё перемешалось в комнате. Как будто объявили внезапно воздушную тревогу или гаркнули: «Рота, подъём!» Люди

повскакивали, поднялась необыкновенная суета. Напрасно Муха бегал от одного к другому, напрасно тыкал дулом в бок, кричал:

– Всем лежать! Руки на затылок!

– Лежать, ёпт! – кричали и люди с автоматами.

Куда там, ёпт!.. Все отмахивались от Мухи, как от назойливого овода. Муха понял, что понапрасну теряет время, упускает инициативу. Махнул рукой, первым бросился вон из квартиры. Все три банды, перемешавшись, отпихивая друг друга локтями, поскакали по лестнице вниз, к выходу. Муха подвернул ногу, тяжело врезался плечом в ребристую батарею. Воя и прихрамывая, гремя стволом автомата по прутьям перил, валился вслед, стараясь не отстать. Выскочив из подъезда, разделились наконец, разбежались в разные стороны по своим машинам. Азиаты отдельно, славяне отдельно, менты отдельно.

Скоро всё успокоилось, снежная пыль осела.

4

Бубенцов глядел из окна во двор, наблюдал за разъездом ночных гостей. Гнетущая тишина расплзалась по поруганной, опозоренной квартире.

– Прости, – жалобно попросила Жеребцова, двумя пальчиками трогая его за локоть. – Мы ж без прописки тут.

– Эх ты!.. – Бубенцов отбрыкнулся локтем. – А я ещё кра-

сотой твоей восхищался! Покажи вам миллион, так вы готовы... И-эх...

Он так и не придумал, на что готовы красивые девушки за миллион. Ничего пристойного не приходило в голову. Да и лень было думать. Налил полстакана коньку, выпил махом, утёрся рукавом... Вышел в прихожую. Набросил на плечи куртку. Кивнул старухе, которая, нахохлившись, дремала на венском стуле в коридоре, у телефонной полочки.

За дверью на лестнице гудел ледяной сквозняк. Бубенцов, поёживаясь, натянул на лоб капюшон и, затягивая на ходу пояс, сбежал вниз. Железная дверь из подъезда стояла нараспашку. Бубенцов иссяк. Кажется, что и сама долгая эта ночь выдохлась, подошла к концу. Всё как будто оставалось по-прежнему, так же горели фонари в тесном переулке, но уже пропала белая луна, что с вечера висела между двумя соседними высотками. Произошёл перелом, время исчерпалось, назревал новый день. Тишина стояла уже совсем иная – чуткая, трезвая, предрассветная.

Бубенцов вышел из арки, постоял некоторое время, глядел то вправо, то влево, соображая. Улица была совершенно пуста, безлюдна. Жёлтым, тревожным глазом мигал светофор. Ага, туда!..

Вера, как обычно, откроет дверь. Встретит молча, ласково. Поглядит с любовью и сочувствием. Покачает головою. И, не спрашивая, где был-пропадал, размахнётся и... Рука у Веры была лёгкая. Все больные удивлялись после её уко-

лов: «Уже? А я и не почувствовал! Как будто комарик...» И один только Ерошка знал, как тяжела бывает та же рука при оплеухе.

– Не унывать! – приказал себе Бубенцов.

Это была его любимая присказка.

5

Вот наконец показался из-за поворота Путевой дворец императрицы Елизаветы Петровны, тыльной своей стеною примыкающий вплотную к железной дороге. Как всегда, горел свет в нескольких окнах на втором этаже. Кажется, никогда не бывало так, чтобы все окна были темны во дворце. Как будто шла там неусыпающая, неведомая и не видимая миру тайная деятельность.

Дом Бубенцова находился через дорогу, напротив дворца. В какой бы смутный час ни выглядывал из своей квартиры Бубенцов, обязательно видел эти бессонные жёлтые окна. Неделю назад, когда вышел ночью на балкон и взглянул на дворец, померещились ему даже тени в тёмных треугольниках. Сблизив головы, тени совещались в освещённом окне ротонды. Или то была игра тьмы и света?

Уже таяла, рассеивалась над городом последняя тьма, когда Бубенцов нырнул под арку родного дома. Обернулся в последний раз на реку Язу, и вдруг просветлели, опечалились его глаза. Разглядел летучую колесницу в небе над

Электрозаводским мостом, запряжённую двумя белыми конями. Розовоперстая Эос, богиня утренней зари, правила колесницей, возвещающая скорое появление своего брата Гелиоса.

Двор был пуст. Дворник Абдуллох подкатывал к подъезду громохочущую тележку с пустыми ящиками. Ерошка прошмыгнул мимо, вошёл в тёплый полумрак, нащупал кнопку лифта. Поднялся на пятый этаж. С нескольких попыток вставил наконец-то ключ, осторожно провернул. Стараясь не шуметь, проник в квартиру. Скинул в прихожей сырые ботинки и, не зажигая света, двинулся по коридору.

Когда он возвращался слишком поздно да ещё подшофе, Вера отправляла его спать на кухню, где стояло кресло-кровать. Стараясь не шуметь, Бубенцов на цыпочках двинулся в ту сторону. Ощупью пробирался в темноте. Качнулся, ударился плечом в стену. Отозвался тихим звоном сувенир в виде красной коровы с подвешенными на шее жестяными колокольчиками. Изделие чешских мастеров. Отшатнулся, задел в полумраке полку. Загремела, запрыгала по кафельному полу кухни медная турка, лязгая, покатилась под стол.

Следовало немедленно придушить скандальный грохот, иначе ему конец! Кинувшись ловить турку, споткнулся, потерял равновесие, рухнул прямо на старое кресло-кровать. Бубенцов понял, что вовсе не трезв, как думалось, а очень даже навеселе.

Глава 10. Иллюзорный мир

1

Бубенцов ускользал от погони, сучил ногами. Слышал, как Вера подходила, поднимала свалившийся плед, укрывала. Касания ласковых, заботливых рук успокаивали. Вера, несмотря на то что выросла в детском доме, обладала от природы удивительной домовитостью, умением создавать вокруг себя тихий и светлый уют.

Едва Вера уходила к себе, беспокойство возвращалась.

Вырвавшись наконец из тревожного, чуткого сна, Ерошка сразу же вспомнил про сумку с пропавшими миллионами. Вспомнил, потому что и не забывал.

Бубенцов поднялся со стоном. Полез под стол, вытащил турку, водворил на полку.

Никак не удавалось унять панику, которая снова и снова сама собою вскипала, заставляя сердце постукивать учащённо. Гладил кулаком грудину, щупал вспотевшие влажные рёбра и думал боковой ветвью мысли – почему? Почему человек потеет в минуту смертельной опасности? Почему? Тут должен быть смысл. Ведь не просто же так организм сбрасывает, исторгает влагу. Почему? Зачем они выбрали его? И кто эти таинственные «они»? Бубенцов понимал, что

кто-то или что-то затеяло с ним непонятную игру. Эта игра предельно серьёзна, опасна. Смертельно опасна. Убить могут. Но за что? За что могут убить его, Бубенцова Ерофея Тимофеевича? Ни в чём не повинного человека! А за то! За то, за что убивают всех людей... За деньги!

Бубенцов накануне, находясь ещё в пьяном кураже, всё продумал, рассмотрел с разных сторон. Придаться не к чему! И всё-таки волнение не проходило, а, напротив, нарастало. Чем больше аргументов в свою пользу находил, тем сильнее одолевала тревога. Ну что с того, что невиновен? Убивают и невиновных! Что с того, что прав? Деньги брал? Брал. Профукал? То-то же. Значит, по понятиям – виноват.

А то, что деньги всучил ему шут гороховый в генеральских штанах с лампасами, ничего не меняет. Потому что, как уже сто раз подумалось – деньги всё-таки настоящие! Стало быть, силы, которые стоят за этими миллионами, грозные и серьёзные. Недаром прошедшей ночью произошли тёмные события в профессорской квартире. Охотились за проклятой сумкой. За фальшивкой никто не будет бегать по ночам. Но почему они, серьёзные силы, выбрали его?

На ум приходили старые истории о том, как некие уголовники, играя в карты, ставили на кон жизнь случайных людей: «зарезать того, кто первым выйдет из трамвая». И проигравший убивал невиновного торопыгу. Может, и здесь такое: затеяли игру, поставили на него, сделали крупные ставки?

Была у Ерофея, конечно, самая неприятная догадка, ко-

торая проще всего объясняла сумку с миллионами. Мошенники подбрасывают кошелёк на дороге. Лоха, который поднимает, ловят. Брал кошелёк? Брал! Ба, а где же половина денег? Утащил, гадёныш? Плати! Вот это, скорее всего, и произошло.

– Квартиру могут отнять! – выговорил наконец вслух Бубенцов.

Вот это было самое реальное. Коллекторы ведь с самых первых своих звонков грозились отнять квартиру. А теперь поймали на крючок.

Ерошка кружил по квартире, глядя на всё обновлённым острым зрением, как будто готовясь проститься с прежней жизнью, с её тёплым привычным укладом.

2

Заварил чай. Кой-как налил дрожащей рукой, хлебнул горькое варево, обжигаясь, шипя. Поставил стыть, да ненароком смахнул чашку с края стола рукавом халата. Чашка тонкая, фарфоровая. Любимая у Верки. Была. Последняя из старого китайского сервиза оставалась. Ну что ты будешь делать! Пришла беда, отворяй ворота. Глядя на осколки, пропел хрипло:

– Ра-пата-та-а!... Не уныва-ать!..

«Заладил, Бубен чёртов!» – ругалась в спальне Вера, накрывала голову подушкой. Бубенцов затаился, прислушал-

ся. Прошёл на цыпочках по коридору, заглянул в спальню. Знал, что Вера будет нарочно лежать с закрытыми глазами, делая вид, что крепко спит. Дескать, нет ей никакого дела до Ерошкиных угрызений совести. Давно уже привыкла, смирилась с тем, что жизнь её отягощена присутствием непутёвого мужа.

Бубенцов стоял в дверях, растерянно озирался. Обескураженная улыбка показалась на лице. Спальня была совершенно пуста. Никто не ругался, не закрывал голову подушкой.

Всё это время Бубенцов находился в квартире совсем-совсем один.

Оказывается, всю ночь можно было свободно, не стесняясь никого, петь, греметь медной туркой, стучаться в стены, звенеть коровьими колокольцами, прыгать по комнатам... Сбитый с толку вчерашними своими злоключениями, напроць запамätовал, что накануне вечером уходили из дома вместе. Ерофей на ту самую роковую встречу в «Кабачке на Таганке», а Вера на дежурство в Лефортовскую больницу.

А значит, это только в его воображении Вера вздрагивала от грохота турки, звона колокольцев, прятала голову под подушку, закрываясь от его хриплого пения. Это только в иллюзорном мире жена вставала среди ночи, чтобы поправить свалившийся плед. Не было никаких ласковых касаний. Как же не было? Ведь он пережил всё это, перечувствовал ярко, полно, живо! Чем же тогда отличается выдуманная нами...

Ничем.

Бубенцов смёл осколки разбитой чашки, высыпал в мусорное ведро.

3

В половине десятого утра вышел, как обычно, из метро «Таганская». Постоял у колонн, щури глаза, привыкая к солнечному свету. Нынешний день после вчерашнего снегопада был ясный, яркий, морозный. Свежий снег сверкал, искрился на крышах старинных купеческих домов, что убегали вниз по переулку, в сторону Яузы.

Переходя через дорогу, Бубенцов покосился на знакомый кабак в конце улицы. Ничего не изменилось в мире. Всё оставалось на своих местах, всё стояло так, как должно. И кабак выступал углом из череды домов, и синие церковные купола в золотых звёздах сверкали над крышей кабака. Это неожиданное совмещение перспектив заметил когда-то Бермудес и даже сказал при этом забавный, хотя и сомнительный, афоризм. Дескать, душа человечья, измучившись грехом и безобразием, сильнее жаждет исцеления, резвее стремится к чистоте. А стало быть, самая короткая дорога к храму проходит сквозь кабак.

Ерошка прошёл вниз по Земляному валу, завернул за угол и оказался у служебного входа в театр. Вахтёрша баба Зина, суровая, не улыбочивая старуха с толстой грудью, строго кивнула из-за стеклянной перегородки, отвечая на его привет-

ствие. Лучше бы дежурил Борис Сергеич, от которого всегда немного отдавало водкою. Бориса Сергеича в театре любил, да и он был равно и хмельно доброжелателен ко всем без всякого исключения.

Баба Зина не любила Бубенцова. Не было никакой личной причины для вражды, но преодолеть себя она не могла. Так кошка не любит собаку. Да, да, находились и такие люди, которые с первого знакомства проникались к Ерошке неприязнью. Как будто сразу различали в нём шевеление хаоса, стихии, что постоянно и отдалённо погромыхивали в глубине его сердца. Сам Бубенцов и не подозревал, вернее, не хотел подозревать, что есть в мире враждебно настроенные к нему люди. В отличие от Веры, которая сразу чуяла таких людей и мгновенно проникалась к ним сильнейшей ответной неприязнью.

Баба Зина протянула ключи. При этом внимательно и бесцеремонно разглядывала его лицо. Он же, затаив на всякий случай дыхание, расписывался в книге дежурств. К его удивлению, на этот раз баба Зина сама заговорила с ним. И что было ещё более удивительным – заговорила первой:

– Ну что, голова удалая? Допрыгался?

«Знает!» – грянуло в голове. Нужно было как-то реагировать на странное обращение, но никаких слов у Бубенцова сразу не нашлось. Он только улыбнулся неопределённо и передёрнул плечами.

«Если знает, значит, как-то связана с ними...» Позвяки-

вая ключами, стал подниматься на второй этаж, в служебную комнату. Оглянулся с лестницы. Баба Зина, высунувшись из окошечка, глядела вслед. Что «знает»? Что? С кем связана? На эти вопросы Бубенцов пока не находил ответа.

4

Ерошка заварил чай, вытащил из шкафчика серебряный подстаканник и серебряную ложечку. Бубенцов чрезвычайно дорожил этими вещами. Во-первых, подарок Веры, а во-вторых, они были настоящими. И подстаканник, и ложечку Вера нашла в антикварной лавке на Старом Арбате. Подарила в годовщину свадьбы.

Напившись чаю, Ерошка отправился проверять датчики дыма. Работа пожарного была самой простой. Полагалось каждые два часа совершать обход. Этот пункт никем не соблюдался. Единственное правило, которое выполнялось неукоснительно, – перед спектаклем отпирались запасные выходы. Одна дверь выводила людей из фойе на Земляной вал, другая, гигантская, высотой метров в шесть, должна была в случае пожара широко распахнуться в укромный тихий переулок. И тогда обезумевшая толпа, спасаясь от огня и дыма, могла без помех вырваться туда, откуда уже виден был угол знаменитого «Кабачка на Таганке». Именно в эту широко отверстую дверь вносил Бубенцов накануне вечером неверный дьявольский клад. Вчерашние события казались

теперь такими нереальными, такими далёкими! Не верилось, что прошла всего лишь одна ночь.

За первым же поворотом поджидала нехорошая примета. Уборщица Нюра, выплеснув во внутренний дворик помои, шла навстречу с пустым ведром. В театре все звали её меж собой «И Нюра, и Нюра...». Эта рыхлая, некрасивая женщина, изгнанная дочкой и её любовником-молдаваном из квартиры, проживала временно в пустующей артистической уборной. «И ходят, и ходят, – говорила обыкновенно всем встречным Нюра, не поднимая глаз, глядя на их ноги. – И сорят, и сорят. И гадят, и гадят...»

Теперь же, завидев Ерофея, ничего не сказала. Остановилась, открыла рот, горестно схватила ладонью за лицо. Утёрлась, оставляя мокрые полосы грязи на щеке.

Что-то странное разлито было в воздухе театра. Непонятно, почему так глядела на него баба Зина, необычны были реакции уборщицы. Всё это следовало немедленно прояснить. Обернулся было к Нюре, но в дальнем конце коридора мелькнула вдруг упитанная фигура Поросюка.

– Тарас! – крикнул Бубенцов, кидаясь к другу. – Постой!..

Ерошка отчётливо видел, что Поросюк его заметил, оглянулся на зов. Но бросился почему-то прочь, резво скользнул в боковой проход, пропал на чёрной лестнице. Ерошка, подвывая от тревоги, бежал за ним, но Поросюка уже и след простыл.

«Да что ж это такое творится? – всполошился Ерошка. –

Что ж они все отворачиваются, бегут от меня?»

Вышел на служебный балкон, откуда во время спектакля наблюдал за зрительным залом. Нынче вечером по графику шла пьеса о семи страстях человеческих. Рабочие сцены монтировали ад, развешивали на чугунной решётке крючья, вилы, железные клещи. Двое выносили кованый медный сундук, устанавливали в углу. Бубенцов глядел на сундук, видел медную проволоку в петлях, которую вчера сам же закручивал, а потом разматывал. Но не мог даже и теперь поверить в реальность произошедшего.

Нервы его были натянуты, зубы сжаты. И тут... Кто-то тихонько тронул за локоть. От этого осторожного касания в столь напряжённый миг точно током пронзило Бубенцова. Ерошка обернулся. Перед ним стоял Бермудес.

– А-а! – выдохнул Бубенцов. – Ты? Наконец хоть кто-то! Ну? Что ты думаешь обо всём этом?

– О чём «этом», Ерофей? – с какой-то особенной заботой вглядываясь в лицо Бубенцова, осторожно спросил Бермудес.

Бубенцову очень не понравилось то, что Бермудес лукавит. Делает вид, что не понимает вопроса. И официальное обращение «Ерофей» вместо обычного «Бубен» тоже не понравилось.

– Ты дурака-то не валяй, – оборвал Ерошка. – Я вчера на тебя поначалу грешил. Думал, ты устроил розыгрыш с сумкой. Пока нас не повязали.

– Заметь, милочка, нас с Поросюком в тот момент не было, – сказал Бермудес.

– В какой момент?

– В момент передачи. Нас, как ты помнишь, он попросил удалиться. Мы из деликатности отошли. Но и тебе не нужно волноваться. Относись к этому философски. Как будто всё это просто шоу.

– Слишком реальное шоу. Вчера на меня бандюки наехали. Откуда адрес узнали? Били без всяких шуток. А следом полиция нагрянула. Сумку искали.

– На то и реалити-шоу. Реалити! Максимально близко к реальности, – пояснил Бермудес. – Наверняка всё снято скрытыми камерами. Мы с Поросюком, честно тебе сказать, прямо из полиции пошли в армянский шалман на Яузе. И всё подробно разобрали по косточкам. Вариантов нет.

– Ты думаешь реалити-шоу?

Бубенцову очень, очень, очень понравились объяснения Бермудеса. Всё в таком разе становилось на место. И тревога помаленьку стала убывать, отпускала душу.

– Похоже, ты прав. Ведь это он спровоцировал спор о богатстве. Шлягер этот чёртов. Тонко подвёл, втёмную. Помнишь, газету держал про ограбление? Просчитал, гадёныш, наши реакции!

– Вот-вот, – поддержал Бермудес. – И мы с Поросюком на эту деталь обратили внимание. У Поросюка ум обостряется, когда дело касается денег.

– Знаешь, Игорь, из всех предположений самое близкое к истине твоё. Это действительно похоже на реалити-шоу. Но почему мы? Почему они выбрали нас?

– А почему нет? Срез общества. Мы, во-первых, многонациональные. Русский, еврей и хохол, так? Уже сама собою завязка готова. Ну а далее пошла обычная режиссура. Сериал с погонями, драками. Кстати, говорят, новый режиссёр уже здесь. Ты не заходил ещё?

Всю последнюю неделю театр полнился тревожными слухами. Артисты с тревогой и нетерпением ожидали появления режиссёра Эдуарда Ценциппера из Перми.

– Меня не касается, – рассеянно сказал Бубенцов. – Не видел. Кабинеты обходим в последнюю очередь.

5

После разговора с Бермудесом Бубенцов почувствовал себя гораздо уверенней.

«Реалити-шоу. Вариант правдоподобный. Бермудес посвящён в кое-какие детали. Также и Поросюк. Оба на подтанцовке. В чём смысл розыгрыша? Как поведёт себя обычный человек, если ему дать миллион! В таком раскладе Шлягер – нанятый актёр, играющий демона-соблазнителя. Внезапные театральные опьянения, наряд шутовской. Игра грубая, топорная. Одноглазый бомж, который встретился в переулке, – разумеется, ряженный. Миллионы бутафорские. Со-

мнений нет. Все вчерашние сцены фиксировались на телекамеры».

Бубенцов поморщился. Вспомнил, насколько нелеп и смешон был в целом ряде эпизодов.

«Итак, всё началось в “Кабачке на Таганке”. Сцена дьявольского искушения богатством – лучшей завязки не придумать! Далее драма строилась у них точно по Аристотелю, по нарастающей. Неожиданные повороты сюжета. Одноглазый с миллионами является в отделение. Проститутки выручают героя. Нарочно подобрали покрасивей. Соблазнительные женщины – обязательный элемент всякого шоу!»

Тут Ерошка с большим облегчением отметил, что постельных сцен им снять не удалось.

«Так, теперь король бубен! К чему бы это? К тому, что гадалку Гарпию подсунули нарочно. Славу пророчила. Искушала. Искушений должно быть три! Богатство, слава, власть!»

Яснее становился теперь и Приглашенный билет. По крайней мере, каким-то образом вписывался в общую систему. Недаром пригласили всех троих. На какие-то мутные «смотрины».

«Но самое главное состоит в том, что по законам жанра все реалити-шоу оканчиваются хеппи-эндом! Счастливый конец – делу венец! Счастливый финал – вот что во всей этой истории самое важное!...»

Однако при всей убедительности аргументов, при всём

уповании на будущий венец, тревога всё равно сидела занозой, томила душу и никак не хотела рассасываться.

6

Проходя по тесному, заставленному реквизитом закули-сю, Ерошка украдкой, не поднимая головы, покосился в верхний угол. Под самым потолком вились белые провода. В сумраке светился глазок датчика дыма. Ерошка подтянул живот и немножко надул мышцы груди, как делают почти все мужчины, когда, к примеру, проходят в плавках по людному пляжу. Ощущая на себе внимательный взгляд оператора, пересёк по диагонали пустую сцену. Ловко и красиво спрыгнул в зрительный зал. Ему оставалось пройти по кабинетам и гримёрным, проверить исправность датчиков.

Рядом с дверью главного режиссёра стояли новенькие ка-лоши с выстилкой из красного сукна. «Ценциппер из Пер-ми!» – догадался Бубенцов и стукнул в дверь. Никто не от-ветил. Ерошка ещё раз стукнул, вошёл.

Перемены, произошедшие в знакомом кабинете, порази-ли его. От добротной спокойной обстановки, которая была здесь ещё вчера при режиссёре Дыбенко, большом матер-щиннике и грубияне, не осталось следа. Теперь всё было по-новому. Во-первых, на стене кабинета прямо напротив вход-ной двери висел «Чёрный квадрат». Конечно, копия, но за-то увеличенная в несколько раз. Полтора метра на полтора.

Копия заключена была в массивную бронзовую раму, и вся эта громада, накренившись, тяжело нависала над человеком, что сидел за столом.

Чёрный бархатный пиджак, розовая рубаша, голубой капроновый шарфик, повязанный на горле пышным узлом. Склонив голову, новый режиссёр очень внимательно, даже подчёркнуто строго, глядел на Бубенцова поверх тёмных солнцезащитных очков. По обеим сторонам лба, на крутых залысинах, там, где очень уместно смотрелись бы небольшие рожки, сияли лаковые блики. Вот уж кого никак не ожидал Бубенцов здесь уви... Да ладно! Ждал, конечно. Именно его и ждал! Потому совсем не удивился. На Бубенцова глядело лицо длинное, несколько вытянутое вперёд, со сбитым набок носом.

– Шлягер! – подтвердил хозяин кабинета, с большим достоинством наклоняя голову. – Меня зовут Шлягер.

Помолчал, пожевал толстыми своими губами и повторил веско:

– Адольф Шлягер.

Глава 11. Долг неугасимый

1

Адольф Шлягер, по-видимому, приложил максимум стараний для того, чтобы стать неузнаваемым. От прежнего, от вчерашнего Шлягера оставалось только странное впечатление гнусной извилистости, свойственной существу беспозвоночному. Сидел, откинувшись в кресле, опасно покачивался на двух ножках. Руки переплетены на груди, как будто завязаны кренделем. Ладони прятались под мышками.

Седоватая щетина по-прежнему выступала на серых скулах. Отдельными кустиками там и сям росла она и на кадыке. Но если вчера щетина эта казалась печальной приметой бомжа, то сегодня её можно было классифицировать как артистическую изысканность.

Бубенцов молчал.

– Позвольте представиться. Режиссёр-постановщик Адольф Шлягер, – снова объявил Шлягер, прерывая затянувшуюся паузу.

– Знакомились уже, – устало и мрачно сказал Бубенцов.

– Ах, простите! – Шлягер картинно шлёпнул себя ладонью по лбу. – Простите великодушно! Допрежь как-то не удалось. Проклятая рассеянность. Знаете, мыслями-то я да-

леко отсюда. Очень-очень далеко. За пределами.

Повёл широко ладонью, отвалился затылком к высокой спинке, устремил взгляд в дальний угол, под самый потолок, в запределье. Глаза затуманились.

– Гения корчим? – усмехнулся Бубенцов, следя за ужимками. – Ну и что ты собираешься поставить у нас, режиссёр-постановщик Адольф Шлягер?

Шлягер ещё более затуманил взор. Притворился, будто ещё дальше скитается его творческая мысль. Пальцы рассеянно набивали трубку. Злоба и отвращение всё более овладевали сердцем Бубенцова.

– От твоей игры на версту разит халтурой, – сказал Бубенцов. – Я ещё вчера отметил. Бездарный человек во всём бездарен.

– Шутка плоская, – огрызнулся Шлягер, чиркая спичкой по коробку. – Каламбуры не ваш конёк.

Видно было, что он нервничает, спички ломались в дрожащих пальцах.

– Да брось ты! – не выдержал Бубенцов и указал на сувенирную зажигалку в виде старинного замка с зубчатыми стенами и с башнями, оставшуюся от Дыбенко.

– Нет, нет, – отмахнулся Шлягер. – Только живой огонь! Только живой. Так уж заведено. Испокон.

Лищедей пытался изобразить из себя человека мира искусства, человека, всю свою жизнь посвятившего театру. Будто бы у него сложилась целая система оригинальных,

неповторимых привычек.

Шлягер, очевидно, тут не главный (спичка наконец вспыхнула и озарила...). Шлягер всего лишь злой шут, исполняющий чью-то волю. Серой пахнуло прямо в ноздри от сгоревшей спички. Волю, волю... Сквозь человеческие черты лица Адольфа Шлягера, смутно и овально белеющие на периферии зрения, – Бубенцов это не увидел, а скорее почувствовал – вдруг стало проступать, вылезать, прорастать что-то нечеловечески жуткое, inferнальное... Пламя спички наконец-то угасло, лёгкий дымок ещё некоторое время вился над чёрной обугленной головкой. Лёгкий запах серы стоял в воздухе.

– Мне кажется, мы напрасно теряем время. Толчём воду в супе!

Шлягер замолчал, пытливо всматриваясь в Бубенцова.

– В супе, – повторил с нажимом. – Толчём воду в супе.

Но и теперь каламбур его не произвёл никакого впечатления. Шлягер закончил с некоторым раздражением:

– Вы сейчас немного побледнели. Допрежь тоже с вами такое же было.

– Пожалуйста, не... – тут Бубенцов споткнулся мыслью, задумался. Не знал, как продолжить. Вылетело, рассеялось, развеялось как дым.

– Что? – Шлягер стал подниматься с кресла.

– Пожалуйста, не употребляй слова «допрежь», – продолжил фразу Бубенцов, понимая, что вовсе не это поначалу хо-

тел сказать, а нечто гораздо более важное.

– Ах, вот отчего мы побледнели! – Шлягер, озабоченно взглядевшись в лицо Бубенцова, неожиданно сменил тему, произнёс тоном задушевым, мягким: – Вот что, уважаемый Ерофей Тимофеевич. Вам совершенно необходимо выпить. Лечебно. Поднять уровень гемоглобина. Да и мне, признаться, тоже. Ничто так не сближает людей, как совместно выпитый алкоголь.

Перезвук посуды тотчас отозвался из-за двери, ведущей в комнату отдыха. Вслед за тем выкатилась оттуда двухэтажная никелированная тележка, очень похожая на медицинскую. Внизу уставлена она была баночками, биксами, лотками с марлей, бинтами. Зато на верхнем столике тележки поблескивали мензурки с прозрачным спиртом.

На этот раз постановочная сцена весьма понравилась Ерошке. Артистка Изотова, исполнявшая роль медсестры, ласково поглядывала на собеседников, добросердечно улыбалась.

– Пожалуй, да, – кивнул Бубенцов, немного смягчаясь сердцем. – Можно и надо выпить. Выпить именно «лечебно».

И вот тут-то всё змеиное очарование Адольфа Шлягера развеялось в один миг. Тело на самом деле плохо его слушалось. С большим трудом поднялся, двинулся, перебирая ладонями, хватаясь за край стола. Вихляющееся тело его вдруг обрело хребет, окостенело. Лицо Шлягера страдальче-

ски морщилося. Бубенцов решил подыграть, снял с вешалки чёрную с серебром эбонитовую трость, подал Шлягеру.

– Благодарю вас, – произнёс Шлягер, хватаясь за литую ручку. Постоял некоторое время, чуть согнувшись, опираясь всем корпусом на трость.

– Хорошая игра, – искренне похвалил Бубенцов. – Боль как-то очеловечивает даже негодяя. Bravo!

Шлягер поглядел на него кисло.

– Радикулит, – сказал он. – Тело досталось мне незавидное. Это печальная реальность. И никакой игры.

С трудом поднял свою мензурку и стал пить. Медленно, основательно, с передыхом, как пьют лечебные капли, разведённые в воде.

– Жаль. Твоё здоровье! – сказал Бубенцов и молодецки махнул с ходу.

Изотова, плавно покачивая бёдрами, покатила тележку... «Если взять это крупным планом, – кося глазом, рассуждал Бубенцов. – Да, положим, снизу. О, это они молодцы! Толика мистики и эротики украшает всякое шоу!..»

2

Под воздействием выпитого спирта мысль заработала смелее и яснее. Всё-таки шоу. Несомненно! Прав догадливый Бермудес. Бубенцов чувствовал, что поведение Шлягера тоже рассчитано на постороннего зрителя. Приметив в

дальнем углу мерцание красного огонька противопожарного датчика, Бубенцов ещё более успокоился и развеселился. Логичнее всего замаскировать объектив телекамеры именно под такой датчик. Которых натыкано великое множество по всему театру. Снимай с разных планов да только успевай потом монтировать сцены!

– Что вы скажете по поводу вчерашнего? – неожиданно в лоб спросил Шлягер.

Но для Бубенцова, который внутренне подготовился ко всякой хитрой каверзе, здесь не было ничего неожиданного.

– Повлияет ли богатство на душу человека? – Бубенцов заговорил громко, отчётливо. – Поживём – увидим...

– Если, дорогой друг! Вы забыли волшебное слово «если»! – Шлягер поднял вверх узловатый указательный палец, повторил с нажимом: – Если поживём, то, может быть, и увидим. Только боюсь, не все из присутствующих здесь, отзовутся в час последней переклички.

– Зря стараешься сбить меня с панталыку! – оборвал Бубенцов. – Встречал я людей, подобных тебе. Которые иронией и юмором прикрывают отсутствие сущности.

– А с вами никто и не шутит, – возразил Шлягер. – Всё тут серьёзно, и нет никакой иронии. Разве можно шутить с такими суммами? Вы просто рехнулись!

– Шутят. Ты же шутил, – резонно заметил Бубенцов. – Покойного дядю-миллионера приплёл из Веймара. Кокса какого-то...

– Шутки были до той поры, пока деньги считались нарисованными. А когда выяснилось, что они настоящие, шутки кончились. Долг ваш стал неугасимым. И это вовсе не каламбур, а суровая реальность. Вот почему я здесь.

– А Ценциппера куда?

– Ценциппера решено оставить в Перми. До особого распоряжения. Случился форс-мажор! Пропали деньги. Решение переменялось. Назначили меня. Приглядывать за вами, – сухо сказал Шлягер. – В оба глаза. Чтобы вы ненароком с кукана не сорвались.

Изображая кукан, согнул указательный палец крючком.

– Ты сам был уверен, что это не деньги. Киношный режиссер.

– Вот что, уважаемый. Люди там простые. В тонкости вникать не будут. Деньги утратили вы, вам и ответ держать.

– Я отдал эти деньги бомжу, – неуверенно начал Бубенцов. – Как бы в кредит. Бомж одноглазый, в ватнике и плаще.

– Вот-вот-вот-вот... – Шлягер оживился. – Уже теплее. Ну и куда утёк от вас этот бомж? Мой вам добрый совет. Как можно скорее напишите подробную бумагу.

– Ты сам его видел. В полиции. И он именно от тебя и утёк. Обитает на Электrozаводской. В телефоне вчера сказали. Не буду я писать никаких бумаг!

– Повторяю, люди серьёзные.

– А зачем же они тебя прислали? Шута горохового! Серьёзные люди. Какой смысл сторожить меня? Серьёзные лю-

ди в таких случаях утюг раскалённый приставляют к животу. Или паяльник тычат.

– Приставят и утюг в своё время, – тихо и значительно пообещал Шлягер. – А про паяльник вы зря. Пошлостью отдаёт. Забыли, куда его тычат? Ваше счастье, коли найдут того бомжа.

– Понимаю, что вляпался, – сказал Бубенцов. – Признаю некоторую вину. Отчасти! Не надо было вообще с тобой связываться. Но, во-первых, всё произошло в хмельном состоянии.

– Обстоятельство отягчающее, – вставил Шлягер.

– Во-вторых, всё тут у вас несуразное. У людей этих, как ты выражаешься, «серьёзных». Путаница с деньгами. То они настоящие. То вдруг оказываются фальшивые. Бардак.

– Не без этого, – вздохнул Шлягер. – Вы правы. Но опять-таки только отчасти.

– Пригласительный билет зачем прислали? – небрежным тоном и как бы походя спросил Бубенцов.

– Ерофей Тимофеевич, я сейчас не могу вам открыть. Не положено!..

Уловка удалась! Прозвучало признание, пусть косвенное. Шлягер проговорился. Стало быть, и Пригласительный билет из той же серии. Поняв свою оплошность, Адольф ударил себя кулаком в грудь. Закусил костяшки, точно затыкая готовое вырваться дальнейшее признание. Сильно припадая на одну ногу, забыв про эбонитовую, чёрную с золотом трость,

хотя и держал её под мышкой, проковылял в угол кабинета. Уткнулся лицом в пыльную штору, глухо сказал:

– Не торопитесь с осуждениями. Поверьте мне.

– Вот уж кому менее всего могу я поверить, – проговорил в спину ему Бубенцов. – Может быть, вообще никакого Шлягера нет? Единственное, что мне кажется в тебе настоящим и подлинным, – это твоя хромота. И радикулит. Но подозреваю, что и тут ты прикидываешься. Но предупреждаю, я готов к любой пакости с твоей стороны!

Однако, несмотря на уверения в готовности ко всякой пакости, Ерошка тотчас вздрогнул от неожиданности. Грохнула дверь, широко распахнулась, и в кабинет с шумом ворвался Бермудес.

– Ни на кого нельзя положиться! – проревел он. – Что ни актёр, то стервец и алкоголик! Каин очнулся!

Подбежал к столу, схватил графин с водой, жадно стал пить прямо из горла. Шлягер шагнул было к нему, всплеснул руками. Трость с треском обрушилась на паркет. Как будто молния озарила пространство, высветила всё. До всякого рассуждения, по трём только этим фразам, по тону их, по взаимному расположению фигур, по чёрной трости, что всё ещё нервно скакала по паркету... и по неведомо каким ещё признакам – Бубенцов понял, что люди эти давно знакомы между собой. А значит, Бермудес участник и действующее лицо. Что существует некий сговор. Но что из этого следовало и что это меняло? Времени на размышления не остава-

лось. Бубенцов, не раздумывая ни секунды, бросился вон из кабинета. Потому что выражение: «Каин очнулся» на местном театральном наречии означало: «Чарыков – в запое!» Бубенцов знал, насколько это опасно. В прошлый раз народный артист Марат Чарыков едва не спалил театр.

Глава 12. Заинька, выйди в круг

1

В самом начале прошлого сезона, ранней осенью, Марат Чарыков уснул в гримёрке с непогашенной сигаретой и прожёл диван. Едва сам не сгорел, да, пожалуй, и сгорел бы... Пока сигарета тлела и жгла его пальцы, даже не пошевелился. Баба Зина учуяла запах горящего поролона, разбудила Ерофея. Бубенцов выбил дверь, за ноги вытащил в коридор мертвецким сном спящего Чарыкова.

Матрас же, как его после ни ворочали, ни затапывали, сколько чайников ни заливали в чёрную дыру, тлел и тлел едким, каким-то поистине неугасимым адским тлением. Это продолжалось с перерывами ещё двое суток. На третьи сутки изувеченный матрас вынесли, бросили под дождь у мусорных баков. Но и подле мусорных баков дымился он до конца недели.

Ерошка взбежал на второй этаж, промчался в конец коридора, толкнул дверь в гримёрную Чарыкова. За накрытым столиком в синих клубках табачного дыма разглядел двоих – то были они. Марат Чарыков и друг его Ваня Смирнов. То же актер, но рангом пониже, играющий массовку и голоса за сценой. Смирнов держал стакан левой рукой, правая кисть,

толсто перемотанная бинтами, висела на перевязи.

Бывают лица настолько простые, открытые, что на них невозможно изобразить никакого злого чувства. Такое лицо было у артиста Вани Смирнова, выдающее сразу весь характер человека. Глянешь на этот добродушный, толстый нос, что прилеплен, подобно небольшой круглой картофелине, к мягкому блину лица, черты плывут, масляются, податливые щёки сияют от улыбки. И, как в зеркале, отразятся все эмоции на лице того, кто загляделся на русского человека. Ответная улыбка готова уже была показаться на устах Бубенцова, но тотчас погасла, замерла, едва перевёл он взгляд на Чарыкова.

Чарыков в нынешнем состоянии был полная противоположность Ване Смирнову. Злой, жестокий, болезненно подозрительный. Артист Марат Чарыков сидел, уперев кулаки в колени, исподлобья в упор разглядывал Бубенцова. Коричневое костистое лицо его было неприветливо, враждебно. Бубенцов закашлялся от табачного дыма, замешкался на пороге. На тонких губах Марата Чарыкова обозначилась горькая усмешка узнавания.

– Ну, здравствуй, Каин! – сказал Чарыков. – Что на этот раз скажешь?

Бубенцов стоял в дверном проёме, схватившись за косяк. После пробежки по лестнице часто дышал.

– Это не Каин, – подсказал Смирнов. – Это Ерошка наш! Чарыков, прищурившись, отмахнул от лица табачный

ДЫМ:

– Бубен? Жаль. Я караулил другого.

Голос его смягчился, исчез металлический звон, но как будто прозвучала в нём теперь и нотка разочарования. В театре все знали, что внутри Чарыкова живут двое. Один – расудительный Авель, дельный, умный. Другой же, злой, жестокий, которого сам Чарыков называл Каином, большею частью спал, как кощей в цепях. Каина пробуждала к жизни обыкновенная чарка водки. Выпив её, он отряхивался ото сна, поднимался, решительно теснил Авеля и с каждой рюмкой всё более уверенно располагался в душе Чарыкова.

– Первую рюмку ты наливал себе трезвым! – строго сказал Ерошка, присаживаясь к застолью. – Когда ещё Авелем был. Зачем наливал?

Этот простой вопрос он задавал Чарыкову уже много раз, тщетно надеясь получить вразумительный ответ. Но рационального объяснения не знал и сам Чарыков.

– «Авель! Где брат твой Каин?...» – продекламировал Чарыков.

– Ну ладно. Пожалел брата. А вторую зачем?

– Вторую чарку, Ерошка, Каин наливает себе уже сам, – сказал Чарыков и стал делить оставшиеся полбутылки по трём стаканам.

Присутствие третьего стакана на столе насторожило Бубенцова. «Как будто ждали, готовились к моему приходу...»

– Ты, Ерошка, полный кретин! – сказал Чарыков и доба-

вил со злорадным удовольствием: – Я употребляю это слово не просто так, а как медицинский термин.

– Мягче надо, Маратушка. Ерошка доверчивый, – незловиво поправил Смирнов, беря стакан левой, здоровой, рукой. – Отелло не ревнив... А уж когда выпьет, у него вообще башку сносит. Что ни пьянка у тебя, Ерошка, то драма! Эх, беделага...

Ерошка понял, что вчера во время пьянки в «Кабачке на Таганке» с ним опять произошло нечто, о чём он напрочь забыл. Такие провалы в памяти случались и прежде. Прямо спросить было совестно, следовало разведать обстановку окольными путями.

– Что с рукой?

– На репетиции. «Семь страстей». – Смирнов двинул обвязанной рукой, кисло поморщился. – Расскажи ему, Чара. А то я опять плакать начну.

– Режиссёр новый, – принялся объяснять Чарыков. – Натуральности добивается. Ваня голоса играет. Вопль грешников из ада. А ну, Ваня...

Смирнов поёрзал, набрал полную грудь воздуха и завизжал. Бубенцов заткнул пальцами уши. Крик прекратился. Смирнов, красный, как варёная свёкла, тяжело дышал.

– Ну? Натурально? – спросил Чарыков. – А Шлягеру мало. «Ты, – говорит, – концовку сглатываешь, а надо усиливать...» Подлинности требует. «Только в боли есть подлинность!»

– Я усиливаю, – сказал Ваня Смирнов. – А он: «Не громкости прошу, а подлинности!» Пальцы мне дверью зажал. Обезьяна такая. Я ору, а они крик мой записывают. Теперь фонограмма будет.

– Пр-роклый чёр-рт!.. – выругался Чарыков. Выпил залпом, забормотал невнятно, горячо, время от времени ударяя себя в тощую грудь.

– Ясно, – сказал Бубенцов, хотя никакой ясности не было, а, наоборот, прибавилось невнятицы.

Наступила тишина, нарушаемая бормотанием Чарыкова. Язык Марата стал уже мешаться.

– Заколдованный круг. В четыре утра просыпаюсь. Тоска смертная. В подвздошь, вот здесь вот, – Чарыков ткнул себя пальцем в солнечное сплетение, – поселяется холодная гадина. И сосёт, сосёт, сосёт...

– И тогда тебе надо похмелиться, – участливо обернулся к Чарыкову Ваня Смирнов.

– Ну да. Я выпиваю сто пятьдесят водки. Меньше нельзя, не прошибает. Отваливается сосущая гадина. Сплю ровно час, а потом возвращается тот же ужас. Снова душа воет, снова сосущая гадина!

– Понятно. Но как же ты, в конце концов, избавляешься от Каина?

– О, тут долгое и хитрое дело. Уложить обратно этого скота тяжело. Он страшен, безобразен. Наступает миг, когда водка уже не помогает. От неё только пылают, плавятся моз-

ги. И вот тут нужно перетерпеть!.. Время становится безразмерным. Иногда является мне маленький, сутулый человек. Вижу его, вот как тебя. Лицо серое, треугольное, печальное. Глаза злые. Пахнет палёной шерстью и угольной кочегаркой. Я знаю, кто это, но боюсь сказать... Минуты тянутся, как часы. Но об этих часах нельзя ничего достоверно рассказать. Потому что переживания эти память впоследствии вышвыривает, стирает, аннигилирует. Ради собственной безопасности.

– И, перетерпев, ты завязываешь и больше не пьёшь? – сказал Бубенцов.

– Я алкоголик! – с достоинством возразил Чарыков. – Мне нельзя без этилового спирта! Я просто не пью долгое время. И не хочется. Я удивляюсь, зачем это нужно человеку – пить водку? Отвратительную, с горелым запахом. Чуждую организму! – Чарыков демонстративно понюхал пустой стакан и гневно покривился худым своим лицом.

– Допустим, перетерпел. – круглощёкий Смирнов тоже понюхал свой стакан, и ничего не отразилось на его лице, кроме удовлетворения. – И Каин опять спит?

– Спит. Но голос рано или поздно снова позовёт. – Чарыков тоскливо огляделся. – И спросит: «Авель! Где брат твой Каин?» Не словами, конечно, а как-то так... внятно.

Некоторое время все трое молчали, осмысливая сказанное.

– Я тебе вот что посоветую, – нарушил молчание Бубен-

цов. – Я где-то читал, что святые люди заставляют себя умереть для греха. Многие монахи даже в гробах спят нарочно. Грех пришёл, а монаха как будто нет на этом свете. В гробу лежит, не реагирует.

– Советуешь гроб купить?

– Зачем покупать? Пусть тебе наши столяры изготовят. Или из «Семи страстей» реквизит возьми, поставь у себя. Каин придёт, а ты в гробу. Он поглядит-поглядит да и уйдёт восвояси. Несолоно хлебавши.

Чарыков тяжело задумался.

– А хоть и купи, – поддержал Ваня Смирнов. – Всё равно же гроб этот когда-нибудь тебе пригодится.

– Уйдёт восвояси? Несолоно хлебавши? – с сомнением покачал головой Чарыков. – Нет, Бубен. Каин, пожалуй, из гроба поднимет.

– А ты попробуй, – настаивал Бубенцов. – Монахи зря не скажут. Избавишься от алкогольной зависимости. Водки нет больше?

Смирнов заглянул в стакан. Перегнулся, погромел пустыми бутылками под столом, пошарил за диваном. Снова поглядел в пустой стакан... Лицо его стало принимать недоумевающее и немного обиженное выражение.

– Надо бежать.

То, что произошло немного погодя, когда Бубенцов возвращался, требует отдельного рассмотрения. Это пустяковое происшествие на первый взгляд кажется совершенно случайным. Но ведь и появление в жизни Бубенцова таких персонажей, как Адольф Шлягер, Настя Жеребцова и Горпина Габун, многим тоже поначалу казалось случайным. С другой стороны, и в продуманную операцию тоже как-то не очень верится. Не могла же уборщица Нюра всё подстроить специально. Это ведь надо было стоять наготове с ведром, подкарауливать Ерофея, когда тот будет возвращаться из магазина с водкой и консервами. Да ещё совершить все свои действия так расчётливо и точно. Нет, это бывает только в кино, да и то после нескольких репетиций. А как она могла знать, что Ерошка пойдёт не через главный вход, а сделает петлю, побежит мимо запасного? Разум и логика говорят, что всё-таки то была случайность. Сердце же и подсознание сомневаются – уж больно неслучайная случилась случайность.

Чем больше размышлял впоследствии над этим ничтожным эпизодом Бубенцов, тем очевиднее чувствовал здесь злой, расчётливый умысел. Слишком органично вписывался эпизод в общую канву событий. Без этого звена сюжет развивался бы совсем в иную сторону. Так что, вероятнее всего, были здесь элементы режиссуры! Но режиссуры самой тон-

кой, неосязаемой, неочевидной.

Бубенцов, напевая под нос, прошёл по заднему театральному дворику, стал подниматься по ступенькам запасного выхода. Внезапно отворилась створка дверей, послышался знакомый ворчливый возглас:

– И ходят, и ходят...

Ерошка, который стоял уже перед дверью в распахнутой куртке, не успел среагировать и отскочить. Прямо в грудь ему хлынул поток грязной воды. Дверь захлопнулась. Этот тамбур Нюра всегда убирала в самом конце. И затем выплёскивала грязную воду из ведра прямо во двор, в сугроб.

Вода была тёплая. Бубенцов даже и не произнёс ничего. Ждал, пока стечёт с него грязь. Затем поставил сумку с бутылками на ступеньки, ладонью отряхнул куртку, джинсы. В кино, несмотря на то что на экране трюк этот с самого рождения синематографа повторился уже тысячу раз, зрителям положено смеяться. Вот и теперь издевательский, звонкий, развесёлый смех послышался за его спиной со стороны Земляного вала. Губы Ерошки горестно поджались. Тяжкая обида на тупость человеческую пронзила его. Два тысячелетия прошли со времён варварства, а пошлость и тупость людская на земле неистребима.

Бубенцов снял куртку, встряхнул её, как прачка встряхивает наволочку после стирки. Затем вошёл вовнутрь, поднялся на второй этаж. Куртку нёс на вытянутой руке, шагал по коридору, широко расставляя ноги в мокрых штанах. По-

явление его на пороге гримёрки в таком потешном виде улыбок не вызвало.

– Дождь? – спросил Смирнов.

– Машина окатила, – соврал почему-то Бубенцов, отлепляя двумя пальцами штанину. Передёрнул плечами, мокрая футболка противно липла к груди.

– Ты вот что... – Смирнов засуетился, вскочил из-за столика. – Дай ему свой халат, Чара.

– Халат Изотова унесла, – сказал Чарыков. – Из реквизита надо выбрать. Да вот хоть шута королевского.

Вот оно!.. Смирнов кинулся к диванчику, на котором лежала куча пёстрого тряпья. Звякнули бубенцы на двурогой шутовской тиаре. Ерошка снял с себя мокрую одежду. Натянул тесноватые клетчатые рейтузы с огромным гульфиком, накинул на плечи кофту с пуговицами в виде разноцветных матерчатых мячиков. Нелепо, но зато сухо! Высоко поднимая ноги, прошёлся по гримёрной, чтобы костюм распределился по телу. Развесил на батарее джинсы, футболку.

Вот каким образом в самую решительную минуту оказался он в костюме шута. Можно ли это рассчитать и подстроить? Вряд ли. Тем более нельзя было предусмотреть всё то, что произошло спустя час, когда спектакль «Семь страстей» приближался к финалу.

– Выпей, Ерошка. – Ваня Смирнов налил полстакана. – Сними стресс.

Если бы нашёлся терпеливый человек, способный наблюдать за дальнейшим ходом застолья, то ничего необычного, из ряда выходящего он бы не обнаружил. По крайней мере, заранее вывести из разговоров ход будущих событий никакой аналитик, будь он семи пядей во лбу, ни за что бы не смог. Всё шло как обычно. А между тем именно здесь и завязывались главные узлы той драмы, что разразилась впоследствии. Драмы, которая развивалась и продолжалась во всё дальнейшее время, определяя жизнь Бубенцова и его близких.

Через полчаса разговор, хотя немного переменялся по содержанию, но и теперь не предвещал ничего особенного. Галдели уже все вместе, перебивая друг друга. Спрашивали не к месту, отвечали не в такт. На сердце Бубенцова становилось всё легче, всё веселее. Марат же Чарыков, напротив, хмурился, сдвигал брови, едва удерживая потяжелевшие веки. Движения его постепенно замедлялись, язык цеплялся, слова теряли внятность. Наконец упал головою в диван, застыл, окаменел совершенно.

– Я переговорю кое с кем в Министерстве культуры, – обещал Бубенцов, облакачиваясь на бесчувственное тело Чарыкова. – Будет у тебя роль, Ваня. Не всё же массовку играть.

– Спасибо, Бубен! Вот за это спасибо! По гроб жизни! Ес-

ли устроишь... коньяк с меня! Вот тебе моя рука. Нет, не эта. Вот эта... Я бы Гамлета сыграл.

– Будешь! Толщина не помеха. Живот подожмёшь и сыграешь. Главное, образ!

– Да какая помеха, Ерошка! Только Шлягер говорит, у меня слуха нет.

– Врёт. Есть у тебя слух. Внутренний. Чуть-чуть подправить, и пой в своё удовольствие. На радость людям, Ваня. А ну, повторяй за мной:

Заинька, попляши!

Серенький, попляши!

Ерошка встал и, хлопая в ладоши, пошёл вокруг стола. Следом за ним, неловко приседая, поковылял Ваня Смирнов.

Вот как, вот как попляши,

Вот как, вот как попляши!

Присев два или три раза, Ваня с грохотом повалил стул, попытался поднять, но и сам упал на пол. Поджал ноги, зачмокал губами, засыпая... Бубенцов не унимался, рвал за ворот обмякшее тело:

Заинька, выйди в круг!

Серенький, выйди в круг!..

Глава 13. Краковяк и бравобес

1

Спектакль про семь страстей человеческих приближался к финалу. Действие разворачивалось в декорациях постоянного двора, построенного на развилке дорог. Метафора ясная, испытанная. Человек на земле – лишь гость и прохожий. Закат, символизирующий закат жизни, догорал на заднике, как отсвет адского пламени.

Зрители ёрзали в креслах, ждали благословенного финала. Многие соблазнились рекламой, которая обещала «оригинальный режиссёрский взгляд» и «новые средства выразительности». Реклама не обманула, серая скука и досада владели зрительным залом. Люди незаметно поглядывали на часы. И вдруг зашевелился занавес, послышались звуки борьбы, кто-то стал вываливаться оттуда, из закулисья.

– Пр-р-роклятый чёр-р-рт! Пр-р-равды и справедливости!

Раздвинув декорации, прямо из адского пламени показалась рогатая фигура. То выступил на освещённую сцену Ерошка Бубенцов с шутовской тиарой на голове. Пошатываясь, позвякивая серебряными колокольцами, раза два споткнувшись, выступил на самую середину. Жмурился, вгля-

дываясь в темень зала.

Луч юпитера ударил сверху.

– Приветствую вас, двуногие!

Весёлое оживление пробежало по рядам. Многие впоследствии объясняли случившееся тем, что москвичей почти не было в зале. Что все приняли происходящее как нечто полагающееся, нормальное, специально так задуманное. Перфоманс такой, что ли... Публика в основном вербовалась из провинциальной интеллигенции, приехавшей за культурными развлечениями. Из людей терпеливых, добрых и невзыскательных.

– Дряни же вы! Поколение негодяев!

Стон изумления вырвался из первых рядов. Что за таинственная властная сила исходила в тот миг от Бубенцова? Едва выступил из-за кулисы, настроение зала тотчас переменялось. А ведь Ерошка не успел ещё произнести ни одного матерного слова. Вид героя, который стоял посередине сцены, был необычен. Чего стоил выпирающий из разноцветных штанов гигантский гульфик! А развесистые, увешанные бубенцами рога тиары! Впрочем, Бубенцов, кажется, и сам находился в изумлении от необыкновенности происходящего.

Ерошка стоял посреди сцены в ослепительном круге света. Озирался, шурил глаза. Сухим жаром несло от софитов, празднично сияло всё вокруг. Не то чтобы смутился, утратил решимость... Хмельной порыв, который вынес его на публику, немного отступил. Но всего лишь на секунду, как отсту-

падет волна, чтобы накатить и ударить с новой силой.

Зал всколыхнулся, насторожился. Там и сям поднялись и выросли над рядами взволнованные головы. Бубенцов же почувствовал необыкновенную лёгкость, свободу. Обтягивающее трико ничуть не сковывало движений. Даже огромного своего, торчащего, выставленного на всеобщее обозрение гульфика уже не стеснялся! Наоборот!..

– Правды и справедливости?! – прогремел Бубенцов. – Нет правды на земле! Но нет её и выше!..

Только и всего. Здесь ненадолго замолчал, не зная, как продолжить. Не оговорился ни единым словом больше. Это-то и удивительно! Неужели одно только выпренное упоминание о «правде и справедливости» произвело столь сокрушительное воздействие? Пусть вещали о ней уста нелепые, крамольные, шутовские. Пусть упоминались эти святые понятия всего лишь в связи с личными обидами Вани Смирнова. Так почему из этого невинного, отчасти даже водевильного положения развилась впоследствии настоящая драма? Ничего выдающегося здесь не усматривается! В нелепой выходке нет ничего смешного, оригинального! Не шевелится здесь никакой зародыш, не видно никакого семени, обещающего обильные всходы! Нельзя сыскать в этих словах и в этом глупом положении даже намёка на будущие великие потрясения.

Почему? Нет разумного ответа. И не надо его искать. Дело, вероятно, заключалось вовсе не в Бубенцове. И даже не

в пьяном скандале, который он учинил. Дело тут совсем в ином. Отчего просыпается вулкан? Дремал-дремал тысячу лет, а тут взял и проснулся. Ни от чего. Накопились силы и энергии. Пришло время, и гибнет Помпея. Отчего умирает старик? Пришло время. Отчего рождается младенец? Время пришло. Отчего рушится мир? Пришло время. Никаких иных, более внятных, объяснений нет. Тут ты совершенно прав, достопочтенный Георг Вильгельм Фридрих Гегель! Недаром портрет твой в золотом овале висит у профессора Покровского в самом видном углу! Образно говоря, понадобился всего лишь малый камушек, и тронулась с места дремавшая до сих пор лавина. Пришло время. Ерофей Тимофеевич Бубенцов случайно оказался в роковом месте и всего лишь неловко пошевелился.

Зал безмолвствовал, но в тёмной глубине его слышно стало, как змеились, потрескивали накопившиеся напряжения. То была особая, очень краткая тишина, которая наступает иногда в грозу, перед первым ударом грома. Ерошка, покачиваясь, подступил к самому краю сцены. Заглянул в сумрачную преисподнюю оркестровой ямы. Глухо ахнул большой барабан, тревожно протрубил гобой, ужаснулась нервная виолончель, взвизгнула, но тотчас же смолкла. Как будто придушили и её.

– Но правды нет и ниже! – горестно провозгласил Бубенцов, топчась у края гулкой опасной бездны.

Пронзительный, отчаянный, мучительный крик Вани

Смирнова, усиленный динамиками, ударил в уши. Даже не верилось, что можно кричать так натурально, так подлинно! И всего лишь оттого, что на репетиции дверью зажимают пальцы.

— Где боль, там подлинность! — вспомнил Бубенцов, заранее сожалея о том, что все пропадёт великая истина.

Но нет, не все оказалось и не на поприще! Ропотом одобрения отозвалась тёмная пропасть зала. Ерошка поднял голову, распрямил плечи, приободрённый реакцией публики. Великие силы востреплились в груди... Ну а дальше всё пошло, как по маслу, покатилося, как шар по желобу. Впоследствии даже и в театральном мире, искажённом, извращённом, растленном, который невозможно ничем пронять, событие это вызвало горячие толки. Причём обсуждались даже и не безобразные детали происшедшего. Тут уже давно привыкли к любой новизне, и трудно кого-то чем-то удивить. Ибо, кажется, нет такой пакости, которая, придя на ум человеку, не была бы реализована на подмостках.

Сорванные одежды и визгливая толкотня голых дам на сцене не обсуждались. Видали в этих стенах и не то ещё! Горностаевая белоснежная шуба, которую Бубенцов походя снял с царя природы и набросил себе на плечо, никого не удивила. Драка с двумя рабочими сцены, которые выскочили, чтобы скрутить Ерофея, вообще не упоминалась. Даже когда рабочие, шумя, полетели в ад оркестровой ямы, тоже мало кого смутило. Обсуждали совсем-совсем иной фено-

мен.

– Справедливости ищу! – повторял и повторял гороховый шут, громя сцену. Заглядывал в кощеев ларь, отшвыривал отломанную крышку.

– Правды и справедливости! – и валились на пол жестяные идолы, раскатывались закопчённые адские котлы. Выскакивали освобождённые грешники и голые грешницы, убегали прочь, прикрывая срам ладонями. Перья и пух метелью кружили в лучах прожекторов. Всё теперь было по-настоящему. Никакой игры.

– Крови и справедливости! – ревело, отзывалось из хаоса зрительного зала. – Боли и подлинности!

Бубенцов гонялся за визжащими артистками, сдирал с них остатки призрачных одежд. Зал реагировал живо, азартно, весело. Это придавало силы, невероятно бодрило Бубенцова. Он раскидывал страсти по всей сцене. Пинал подтощий зад страсть Сребролюбия. Лапал обеими пятернями Блудную страсть. Срывал покровы с демона Измены. Многие, спасаясь, успели убежать в зрительный зал. Их встречали там с восторгом, тискали, щипали, щупали в полумраке. Держался до последнего Игорь Бермудес, изо всех сил сохраняя невозмутимый вид, надеясь тем самым заговорить и унять хаос.

– О, чёртов бубен! Демон тщеславия! – воздев руки, заломив голову, декламировал Бермудес, хотя слов таких и не полагалось произносить по сюжету. Теснил обширным живо-

том, наступал на Ерошку, пытаясь вытолкнуть за кулисы. – Заклинаю тебя, уймись! Зачем ты ищешь крови и справедливости?

– Правды и справедливости! – возражал вёрткий Бубенцов, выскакивая опять на авансцену. – Правды и справедливости, Игорёк! Не крови! Всего лишь правды и справедливости!

– Крови и справедливости! – выл тонкий голос из зрительного зала.

Бермудес выкатывал из-под наклеенных бровей страшные буркалы, скалился, двигал губами. Пытался спасти положение, мимикой повлиять на расходившегося Ерошку. Но нельзя было уже перекричать шум, вернуть действию стройность и порядок. Поздно! Рухнули все построения режиссёра. На сцене творила уже сама стихия, бессмысленная, беспощадная.

Подскочил к Бубенцову Поросяк в образе Мазепы – «демон предательства и измены». Выскочил из ада упитанный, с полосами сажи на животе, с искажённым от ярости лицом, зашипел, вцепился в плечо когтями. Но тотчас получил от Ерошки виолончелью по морде, схватился за щеку и, подывая, пропал за кулисами. Растерялся на миг Ерошка, недоумённо разглядывал оставшийся в руке гриф. Рассыпалась виолончель, нежный инструмент, склеенный особым клеем из самых тоненьких дощечек. А подвернись под руку Бубенцову в ту минуту, положим, гобой? Гобои делаются из клё-

на, древесина плотная. Ударить по голове что кием бильярдным...

Добро торжествовало! В какой-то момент стало ясно, что натиском и вдохновенным напором Ерофей Бубенцов окончательно проломил сюжет, разрушил предначертанный распорядок действий.

И вот тут-то внезапно прекратилось сопротивление. Кто-то очень-очень умный догадался, спохватился, подал знак дирижёру. Дирижёр пожал плечами, но возражать не отважился, взмахнул палочкой. Ударили смычки, грянули литавры. Взорвался фейерверк, рассыпалось по всей сцене конфетти. Танцоры заплясали в разноцветных одеждах, маски задвигались, замелькали в толпе пёстрые ленты. Золото, блеск, гром, звон, хмель...

Ах, какой же догадливый! Как вовремя подал сигнал! Кто же он был, тот демиург, кто музыкой обуздал хаос, придал ритм бедламу? Кто, в конце концов, весь этот случайный безобразный скандал так ловко встроил в сюжет скучнейшей пьесы, сковал расхристанное безумие железной цепью гармонии? Уж не Скокс ли Амадей? Его как будто манера, нет?.. Увы, за шумом, гамом и суетой этого никто не мог разглядеть. И уж тем более не нашлось тогда человека, который мог бы по достоинству оценить блестящую импровизацию. Всё плыло, оплывало, плавно опало на пол... Занавес!

Всё, что происходило дальше, Бубенцов помнил лишь яркими урывками. Его тормозили, жали руки, поздравляли.

Всё мелькало перед глазами, скалило зубы, хлопало по плечу. А за колыхающимся занавесом неистово ревел, выл и бушевал зрительный зал. Как будто разбудили дремавшую, застоявшуюся энергию масс.

Снова взметнулся вверх занавес. Снова грянула весёлая, торжествующая музыка. Ликовали трубы и флейты, гремели золотые литавры. И не было только среди этих ликующих голосов голоса нежной виолончели.

Блики света метались по всей сцене. Жёлтые, красные, лазоревые.

2

Бубенцов стоял за кулисами, озирался. Откуда же она появилась? Из какого кощеева сундука? Кто и когда вложил её в бесчувственную и безвольную руку? Бубенцов не мог ничего понять. Держал в руке брезентовую полосатую суму. Выпотрошенную и пустую. И только на дне её болтались скомканные генеральские штаны с лампасами. Выгоревшие, гадкие, старые. Поднял глаза, увидел за кулисами на противоположном конце сцены ухмыляющуюся, довольную рожу Адольфа Шлягера.

И нем был шут, и недвижим. Вид бледный был у Ерофея Бубенцова в ту минуту. Проступила бледнота смертная сквозь хмельные румяна. Удручало Ерошку Бубенцова не то, что жизнь его сошла с привычных рельс. Сколько раз уже

такое бывало! Сколько раз пьяными скандалами своими разбивал жизнь свою вдребезги, а затем собирал с великим терпением, склеивал по кусочкам!

А удручало Бубенцова то, что видел, знал, чувствовал всею своей душою, всем сердцем безошибочно и верно, что привязалась к нему, приклеилась, присосалась – цепкая гадина. И никак от неё не оторвёшься, не открестишься, не убежишь.

Но даже и не это более всего напугало Бубенцова! Не оттого так тосковала прозорливая душа его, вмиг протрезвевшая, когда вытащил он из сумы генеральские лампы. Понимал, что устроитель этой сцены немало повеселился, готовя реквизит. Как радовался своей выдумке, мелко посмеивался, вкладывая в неё все запасы скудного своего остроумия. И вот это-то и было самое страшное! Это-то и было самое страшное! То, что попал он в лапы сил таинственных, всемогущих, но, увы, нетворческих, бесталанных, ограниченных. Убогих, бездарных, художественно неполноценных.

Гремели аплодисменты, звенели восторженные детские крики, взмывали женские визги, рокотали тенора и басы. Снова объявили общий выход. Бубенцова толкали, а он упирался, но его ещё сильнее толкали, а он ещё сильнее упирался, но не смог противостоять выталкивающей силе. На тело, погружённое в славу, действует выталкивающая сила, равная... Чему? Чему равная? Нет ничего в мире, что было бы равное этой силе!

Пинком вытолкали его на свет, на люди, на сцену, на публику. Вынесла, подняла могучая волна. Успех был неожиданным, оглушительным, невероятным. И необъяснимым. Такого давно никто уже не переживал, не помнил. Ни молодые актёры, ни пожилая артистка Могилевская, страдающая одышкой, сменившая дюжину театров, ни даже сам Тракта-тов.

Девять или десять раз поднимали занавес. После шестого «биса» кто-то принялся запоздало считать вызовы, а потом сбился со счёта. Артисты, взявшись за руки, выходили на авансцену, ослепшие, ослабевшие в коленях, пьяные, блаженные от успеха. В самой середине этой цепочки кланялся зрительному залу триумфатор – Бубенцов Ерофей Тимофеевич. Отстранив прочие страсти, стоял в центре, веселил сердца самым ярким изо всех, самым весёлым костюмом, похожим на оперение редкостного попугая. Гигантских размеров гульфик придавал ему ещё больше веса и достоинства.

– Браво, бис! Бравобис! – высовываясь из ложи, выкрикивал какой-то иностранец из Лемберга.

Громко переводила приставленная к иностранцу синхронная переводчица, красивая, распутная, как ведьма, перетолмачивала на русский, вторила, кричала пронзительно и восторженно:

– Бравобес! Бравобес!

И снова под трагический вздох и вопль зала уходил Бубенцов за кулисы. Стелилась за ним, едва поспевая, накидка

горностаевая, взмывающая иногда шёлковой подкладкой, где по синему фону раскиданы были золотые звёзды. А сумка-то! Куда она девалась? Кто успел вытащить её из бесчувственных пальцев?

За кулисами встречал Шлягер, весь сияющий, замасленный, шальной, с пьяными, бессмысленными глазами. Оскаленные зубы, крупные капли пота на висках. Вложил в ладонь Бубенцова плотный, влажный конверт, шепнул:

– Гонорар ваш. Аккордно...

Адольф, весь расслабленный, дрожащей от счастья рукою поворачивал Бубенцова вокруг оси, легонько подталкивал, снова направлял туда, на сцену. Сваливалась тиара с бубенцами под ноги, но всякий раз Шлягер подхватывал её, нахлобучивал поглубже на пылающие уши Бубенцова.

Поток успеха и славы вырывался из зала, бушевал вокруг, ревел, буквально сносил Ерошку с ног. «Браво, бес!» И никогда, слышите ли вы, никогда в театр не приносили столько цветов! Это тоже было необъяснимо, непонятно. Впрочем, не было времени задумываться! К ногам Бубенцова сыпались розы, астры, гвоздики, георгины. А то, что отскакивало от него и разлеталось по сторонам, торопливо подбирали все прочие артисты, которых Ерошка уже едва различал, ослепший от неожиданной славы.

Выходя к авансцене, Бубенцов уже не так открыто выставлял своё лицо, а предусмотрительно приподнимал локоть, немного загораживаясь, как будто ему мешал свет. Понял

уже, что именно в его пылающую рожу целились метатели букетов. Среди этих озорников два-три лица в толпе показались знакомыми. Как будто даже различил среди этих лиц совсем свежие. Уж не ночные ли собеседницы Настя и Горпина привиделись ему? Но тяжело было разобрать и вполне удостовериться. Всё мелькало, вспыхивало, гасло, гудело, махало руками, топало, визжало от восторга. Всё сливалось в пёструю карусель, в праздничный калейдоскоп, в развесёлый пляс и хаос, в краковяк и бравобес.

Вот вновь высунулась из хаоса чья-то рука, размахнулась и метнула на сцену тяжёлый букет роз. Да ловко как метнула! Опаснее, чем заточенные карандаши, оказались стебли цветов. Ударил букет острым комлем в лоб, сшибая жестяную корону. Искры брызнули из глаз Бубенцова, прибавляя празднику огней и света. Бросился подбирать слетевшую свою тиару, а та покатила к самому краю сцены. И тут другая рука высунулась из развесёлого хаоса. Подхватила тиару, швырнула в Бубенцова. Да так умело, что едва-едва успел он подставить локоть, защитить лицо своё ватным рукавом кафтана.

Глава 14. Общий анализ крови

1

Тот, кто уходил последним, оставил дверь в комнату дежурных приоткрытой. Узкая полоска света из коридора была прямо в лицо. Надо было встать, прикрыть дверь, но Бубенцов страшился просыпаться. Сквозь сомкнутые веки проступало что-то бесформенное. Торчало, выпирало всеми углами, громоздилось, пугало. Даже и во сне Бубенцов ясно осознавал, что жизнь его искажена. Ибо только в искажённой, кривой жизни всё то, что произошло накануне, можно было счесть нормальным. В триумфальном успехе, который обрушился на него накануне вечером, было нечто неправильное, устрашающее, несуразное.

Мёртвая тишина обступала со всех сторон. Но ведь так не бывает! Ночной мир театра полон таинственного движения. Никогда, ни на одну секунду не прекращается здесь шевеление звуков, шорохов, потрескиваний, вздохов, тихих шагов, невнятных бормотаний, покашливаний. Теперь же ни малейшего шелестения не доносилось ниоткуда. Не шелохнётся штора, не скрипнет половица. Не выдержав тишины, Бубенцов вскочил, обхватил голову руками.

Утренний сумрак наполнял дежурное помещение. Звяк-

нула в тишине тиара и смолкла. Бубенцов взглянул исподлобья. Шут сидел напротив в кресле, зацепив ногу за ногу, свесив почти до полу рукав. Другим рукавом упирался в подбородок, злобно посверкивал изумрудным кошачьим глазом.

Бубенцов скомкал шута, зашвырнул в шкаф. Следовало поскорее покинуть проклятое место. И уже оттуда, из безопасного далека, обернуться, оглядеться. Рассмотреть мысленно всё, что произошло, оценить трезво и здраво.

Он твёрдо знал, что в успехе, в триумфе его...

– Да-да-да! Есть что-то неправильное, устрашающее, несуразное!

Он произнёс вслух это разумное заклинание. Специально отчётливо и громко, чтобы развеять вражьи чары. Но ещё громче зазвучал хмельной голос внутри, ещё настойчивее застучалась в сердце совсем иная, дерзкая и весёлая мысль: «А почему бы нет? Талант может дремать всю жизнь, но всё равно пробьётся. Рано или поздно...»

Дрожащей рукой налил чаю, бросил в стакан два куска сахара. Размешивал с отрешённой задумчивостью, со странной улыбкой на устах. Забылся, машинально добавил в стакан ещё два куска сахара. Отхлёбывал и даже не чувствовал, как пересластил. Ибо ядовитая сладость успеха уже растворилась в его крови.

Кое-как прибравшись, выскользнул из театра, не дожидаясь сменщика. Нужно было поскорее бежать из опасного места, спастись от внутреннего разлада, от раздвоения чувств

и мыслей. Ерошка спешил к жене. Обычно от женщины в семье исходят тревоги, истерики, смятения, крики, всякое беспокойство.

В жизнь Ерофея Бубенцова Вера вносила тишину.

2

Из кухни доносились милые домашние звуки, позвякивания. Губы Бубенцова, едва он вступил в прихожую, растянула улыбка. Знал, что сейчас станет ясно, легко. Вера как-то очень естественно уравнивала его расхристанную, неуверенную в себе натуру. Вера руководствовалась двумя-тремя простыми принципами, которые взялись неведомо откуда, но были приняты ею без всяких обоснований и доказательств. Главное же убеждение состояло вот в чём: «Если оттого, что ты есть на свете, людям жить легче, значит, жизнь твоя правильная».

Ерошка скинул куртку, направился было в кухню, но по пути не удержался, завернул налево, в гостиную. Там в эти дни формировался внешний образ Бубенцова. Та оболочка, в которой Ерошка должен был отправиться на торжества в Колонный зал Дома союзов.

Двойник был на месте, лежал, раскинувши ноги, на софе. Ерошка, едва взглянув на разложенную одежду, вдруг почувствовал, что каким-то образом двойник этот связан со вчерашним его бенефисом на сцене. Но ещё более связан с

будущими событиями, о которых Ерошка пока, как и всякий человек, ничего не знал. Знал только, что события эти непременно наступят, и будут они грозные.

Серый пиджак, белая рубаша, галстук в синюю и серую полоску, чёрные брюки. Начищенные ботинки с вымытыми жёлтыми подошвами уложены были на светлом покрывале чуть ниже штанин, носками врозь. Будто бы безголовый, плоский человек упал навзничь. Зарезанный, с высосанной кровью. В позапрошлую ночь Вера даже вскрикнула, когда, попив воды, возвращалась из кухни в спальню. Она ненароком заглянула в сумрачную гостиную, и ей привиделось, что человек на софе пошевелил рукой. Хотя и был он, повторяем, безголовый.

Три дня назад появился этот человек в квартире Бубенцовых. Пригласительный билет вызвал его к жизни. Двойник не имел объёма, был плоский, как будто явился сюда из некоего двухмерного мира. Лежал на софе, меняя то пиджак, то галстук, то носки, то уголок платка в нагрудном кармане пиджака. К нынешнему утру общий образ был сформирован окончательно. Бубенцов с удовольствием разглядывал двойника. Этот франт, небрежно развалившийся на покрывале, был ему чрезвычайно симпатичен. Высокий, стройный, уверенно расставивший ноги в остроносых туфлях.

Вдоволь налюбовавшись своим будущим образом, Ерошка вложил конверт с деньгами в пиджак. В нагрудный карман. Так, чтобы уголок торчал, подобно крахмальному плат-

ку.

Хлопнула дверь, с кухни потянуло палёным. Упала крышка на кафельный пол. Вера вышла, вытирая полотенцем руки.

– Погляди, что пиджак тебе подарил, – сказал Ерошка, предвкушая реакцию жены.

Вера, однако, ничуть не удивилась, вытащив конверт с деньгами. Она вообще никогда не удивлялась. Пересчитала.

– Много! У кого занял?

– Ни у кого. Это наши. Без всяких процентов. Я сыграл роль шута. Скажу кратко: успех и овации!..

– Шута? А Чарыков что?

– Чарыков в запое!

Слова эти произнёс с большим удовлетворением, радуясь тому, что сам-то стоит перед Верой трезвый, рассудительный, успешный. Что есть на свете отрицательный человек по фамилии Марат Чарыков, который в это время похмеляется, пьёт горькую с Каином, грешит тяжко, болезненно. Что Вера имеет прекрасную возможность сравнить, сопоставить и сделать правильный вывод.

Через минуту, сидя на кухне, рассказывал Вере историю своего неожиданного триумфа. Обогащал произошедшее деталями, которые, как ему казалось, очень украшали рассказ, придавали словам большую достоверность. Но, к его удивлению, история эта, несмотря на обилие ярких метафор и преувеличений, по мере изложения становилась всё бледнее,

запутаннее. Выглядела гораздо менее интересно, чем была на самом деле. Вера слушала внимательно, кивала головою, но всё грустнее, задумчивее глядели её глаза. – Царя бы ещё сыграть, – закончил Ерошка. – Это серьёзная роль. Я совсем бы по-другому сыграл.

– Какой из тебя царь? – возразила Вера, напуганная новыми интонациями в голосе непутёвого мужа. – Успех этот твой неспроста. Так не бывает.

– Почему не бывает?

– Почему? Потому... – Вера помолчала. – Не бывает. Но как-то это всё связано...

– С Колонным залом?

– Да. Я чувствую. Давай-ка ещё раз примерим.

Вера помогла Ерофею надеть приготовленные вещи. Ерошка влез на табуретку, жена оглядела его со всех сторон.

– Ну вот. Теперь более-менее, – говорила Вера, отступая на два шага и суживая глаза. – Слезай. А может, не ходить?

– Я тебе вина украду.

– Не кради! Вдруг и в самом деле вас снимают на камеры? Смотри не напейся там. Ты скандальный. Помни про это.

– Не программируй. Главное, предварительный мирный настрой.

Сказать по правде, он здорово волновался. Ожидание чего-то необыкновенного всё более овладевало им, не давало сосредоточиться. Мысли скакали, путались.

Как ни уговаривал себя Бубенцов, как ни успокаивал стучащее в горле сердце, по дороге с ним произошли события, которые здорово его расстроили. События, если оценивать их теперь, по прошествии времени, были не драматического, а скорее забавного свойства. Впрочем, чужое несчастье часто вызывает у посторонних наблюдателей улыбку. Толстяк, забавно падающий на гололёде, или пьяный на велосипеде... Ерошку же как человека эмоционально неустойчивого мелкое и пакостное происшествие надолго вывело из себя.

Поначалу всё складывалось как нельзя лучше. Едва подошёл к остановке, как перед ним остановилась маршрутка. И хоть половина мест пустовала, Бубенцов не стал садиться, чтобы не мять брюки. Так доехал до Сокольников. Теперь ему оставалось только перейти улицу и спуститься в метро.

Бубенцов стоял уже на переходе, когда перед его взором возникла дивной красоты женщина. Она появилась в его жизни неожиданно и ниоткуда, как будто выскочила из-под земли. Распущенные волосы тёмного огненно-медного цвета вскидывались под порывами ветра, как языки пламени. Снежинки светились кое-где в пышных выющихся локонах. А взглянув сбоку, увидел он, что и ресницы у неё ярко-рыжие. И что на ресницах лежат редкие пушистые снежинки. Ни малейшего подозрения не шевельнулось в душе Бубен-

цова.

Зажёгся зелёный свет, люди двинулись через переход. На встречу катился такой же плотный поток. Ерошка пошёл за женщиной, чуть сбоку и сзади. Шёл, ни о чём пока не рассуждая, бездумно подчиняясь дремучему зову. Могучий инстинкт продолжения рода влёк его, руководил помыслами... И тут случилось вот что. Обогнал слева некто мелкий, щуплый, востроносый. Потеснил нагло плечом. Бубенцов покоился. Такого щелчком перешибёшь.

– На баб зыришь, развратный козёл? – хриплым альтином прокричал ему в ухо щуплый. – Доколе, блябу? Отвечай, в натуре, петух!..

Ощерился, цвыркнул слюной сквозь щель в зубах. Слюна негодяя попала на новые брюки, на колено. В другой ситуации Бубенцова должна была сразу насторожить кепка негодяя. Точнее, надорванный козырёк, который свидетельствовал об агрессивном нраве врага. Но Бубенцов и сам умел вспыхивать мгновенно. Не рассуждая, двинул кулаком и... попал в пустоту. Враг ловко увернулся, кинулся прочь, лавируя меж машинами. Бубенцов бросился вслед. И вот тут-то произошло нечто совсем уж неожиданное.

Женщина зацепила его сзади за ногу, толкнула меж лопаток. Даже в футболе такое карается карточкой. Умышленный срыв атаки... Бубенцов споткнулся, взмахнул руками, ударился грудью о деревянное ограждение. А когда поднял глаза... Как и полагалось по сценарию, выступил вперёд вер-

зила, всё это время таившийся за деревянным ограждением. Как будто вырос из-под земли или, предположим, вылез из канализационного люка. Оба бандита, и мелкий с оторванным козырьком, и верзила в бушлате, шагнули навстречу Ерофею. Но страха-то не было в сердце Бубенцова, не было! Наоборот, всем существом его овладела весёлая отвага. Придавала стройность и отчётливость мыслям. Он вспомнил! Это было реалити-шоу! Стало быть, он находился под защитой скрытых телевизионных камер. Не дадут пропасть люди из телевизионной службы безопасности.

Но напрасно Ерошка понадеялся... Снова произошло то, чего не ожидал. Гадёныш в кепке подскочил и врезал кулаком в нос. Успел разглядеть Ерошка на кулаке синюю наколку «Рома». Верзила с другого боку ударил под ребро, в пень. Перехватило дыхание. Напрасно пытался поднять Бубенцов к лицу страшно потяжелевшие, обессилевшие ладони. Видел только, что они растопырились, как ласты. Пьяно стало в голове Бубенцова. Замедлило свой бег время, погустело. Неожиданно увидел на грязном асфальте свою шапку, которая неведомо как оказалась лежащею перед самым его носом. Дальним углом сознания отметил, что стоит, оказывается, уже на четвереньках. Получил ещё один удар чугунным ботинком, схватился пятернёю за бок. Стал заваливаться, скользя щекой по сырому, шершавому асфальту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.